

КОГДА
БЕЗДНА
СМОТРИТ...

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЭМИЛЬ ШЕЙД

Эмиль Шейд
Когда бездна смотрит...

«Автор»

2026

Шейд Э.

Когда бездна смотрит... / Э. Шейд — «Автор», 2026

Есть истории, которые начинаются с поцелуя. А есть те, что начинаются с похорон. Пятеро старых друзей думали, что худшее, что может случиться в их захолустном городке, — это скука, похмелье и вечные ссоры с девушками. Но когда Отис, местный блогер и коллекционер историй, пропадает вместе со своим оператором, игра заканчивается. Зброшенные казармы, подземелья, полные кровавых тайн, темная магия и древняя легенда о чудовище. Чтобы выжить придется не только найти способ побороть монстра, но и не стать им. Хотя, для кого-то, это уже невозможно.

© Шейд Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1	6
2	13
3	15
4	22
5	27
6	28
7	37
8	39
9	45
10	48
11	52
12	58
13	61
14	65
15	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эмиль Шейд

Когда бездна смотрит...

Пролог

Луна, выглядывая из-за туч, легла на воду и протянула до самого берега серебряную дорожку. Этой ночью сильный ветер, из-за которого волны стремительно мчались, врезаясь в скопления камней. Моросит дождь, но я не чувствую холода, будто теперь это нормально.

Летом, в разгар сезона, здесь работает кафе «Остров», в котором всегда много посетителей. В жаркие деньки это место не умолкало до утра. В межсезонье заведение пустовало, особенно вечером. Пляж выглядит пустынным, а кафе закрывается на зиму. Поэтому сегодня здесь безлюдно. Ни души на пятьсот метров вокруг, а то и больше. В этом году кафе закрылось раньше. Почему? Не знаю. После событий последних дней, наверное, такие вещи нас волнуют меньше всего.

Про наш небольшой городок есть одна легенда. На ней зарабатывают, рассказывая байки, торгуя сувенирами и придумывая разные истории. Но никто в нее на самом деле не верит. Особо любопытные всегда уходили немного дальше в своих исследованиях для какого-нибудь блога, но правду в их рассказах всегда искажали.

Теперь, оказавшись в центре происходящего безумия, я начал верить в то, что для многих осталось обычной выдумкой, которой кормят туристов.

Моя голова тонет в бесконечном потоке. Собственная кожа, казалось, больше мне не принадлежит. Под ее покровом живет нечто, что леденит мне душу, но я ничего не могу с этим сделать. Все, что мне остается, – это не верить своим глазам. Поддаться иллюзии, что все вокруг меня лишь сон. Кошмарный сон, который должен закончиться.

Оно дремлет. Течет, словно кровь. И совсем скоро подчинит своей воле. Сил сопротивляться почти не осталось. Это моя вина. С этого все началось. Я в этом не уверен, но, как говорит Тони, моя чуйка не подводит. Если бы не так, то жизнь в своем прекрасном естестве осталась бы самой обычной.

Но теперь внутри меня кипит голод. Он ноет, требует подчиниться. После того как мы нашли разорванный на части труп, меня не покидает одна мысль: мог ли я совершить такое? Причастен ли...

И как бы я поступил, окажись наедине с еще свежим телом?

Хватит ли мне сил сохранить человечность...

Сегодня я пришел сюда без четкой причины. Мне просто хотелось еще раз оказаться там – где все началось.

1

Миккель

Утро наполнило мою комнату светом. Веки словно слиплись от клея, я с болью их разомкнул и, щурясь, посмотрел в окно. Мне тут же захотелось задернуть шторы и побыть еще немного в успокаивающей темноте. Голова гудела, но это должно скоро пройти, по крайней мере, обычно отходняк не сильно затягивался. С трудом поднял свое тело с кровати, казалось, оно весило в два раза больше, чем должно. Сначала не понял, хрустели мои кости или это треск пружин под матрасом. Вроде вчера ничего не ломал. Вроде... Ах, боже... так выглядит расплата за хороший вечер. Вроде не тошнит, уже неплохо. Хотя, возможно, стоило бы засунуть два пальца в рот и извергнуть из себя вчерашний вечер.

Солнце за окном достаточно высоко, значит, уже за двенадцать. Все-таки приведу себя в порядок, а то так весь день пройдет. Хотя я был не против промотать его до момента, когда приду в нормальное состояние.

Уверен, Эйс и Алиша мне уже что-нибудь написали.

– Ждем в баре, импотент, – сообщение от лучшего друга. Если бы он не пытался меня оскорбить при каждом обращении, я бы подумал, что его мозг захватил внеземной паразит.

– Раскачаюсь и приду, евнух. Один-ноль, у меня хотя бы член есть.

– Ха-ха. А ты хорош. Давай, мы уже здесь.

Не уверен, что пиво помогает. Говорят, если вернуться в пьяное состояние, то ты вроде как откатываешься назад, но не в моем случае. Что-нибудь жирное – да, это про меня.

Зеркала в ванной комнате – большая ошибка. Ей-богу, без них люди были бы счастливее. И так самочувствие балансирует между «остаться в кровати» и «засунуть голову в раковину», а тут еще видок такой – маслом в огонь. Темные волосы с одной стороны напоминают птичье гнездо, а с другой примяты, словно по мне прошелся асфальтоукладчик. Нос сворачивает в сторону – последствия перелома. Ладно уж кривой, но еще и темный какой-то, покрасневший, будто в него втерли грифель бордового карандаша. Густые брови наваливаются на глаза, из-за чего не видно самих век.

Счищая щеткой крупный налет с языка, меня чуть не стошнило. Я терпел как мог, но потом подумал – лучше пусть меня стошнит, чем ощущение осевшей кислоты во рту. Однажды такое уже было. Мне пришла в голову гениальная идея: зачем чистить зубы, если после этого я завтракаю и во все маленькие щели забивается еда, разлагаясь до самого вечера, пока я снова их не почищу. Такое открытие возвысило самомнение на ступень выше. И при первом же опыте весь мой завтрак во время чистки вышел обратно. Да-а, день был тяжелый. Не утро делает нас, а мы сами.

На улице слегка прохладно. Ветерок приятно дует навстречу. С тяжелой головой это всегда в кайф. Солнце слепит – отстой, но зато неплохая погода, чтобы проветриться после похмелья.

Идя вдоль парка, можно заметить, как любители социальных сетей кормят свои страницы новыми селфи. «Вау, какая золотая осень в этом году» – хрень, по-моему. Лучше уж пусть облака закроют небо, и мне не придется щуриться. Раньше фото делали на память, а сейчас словно соревнуются между собой: кто сделает фотку круче, у кого будет интереснее сторис. На некоторых страничках тысячи фотографий, неужели кто-то будет рассматривать их все? И я говорю не о популярных людях, а о таких же, как и я, – простых смертных. Наверное,

много думаю об этом. Порой кажется, что я обо всем много думаю. Все увиденное хочется додумать или передумать. На первый взгляд, большая часть вещей кажется совсем притертой, обыденной... скучной.

Утонув в своих мыслях, я чуть не прошел мимо бара. Заглянув в стеклянную витрину, я тут же увидел Эйса. В таких людных местах я часто бегаю взглядом от столика к столику, не понимая, куда мне идти, и, кажется, что люди думают, что я какой-то придурок. Эйс не раз говорил мне, что это глупые мысли. «Никому нет до тебя дела, чувак», – повторял он.

– Здорова, Сокол! – Эйс махнул мне рукой, подзывая к дальнему столику у окна. Выглядит он так, словно вчера мы пили без него.

– Привет, однойцевый, – сострил в ответ я.

Да, иногда меня называют Сокол. Но хорошего в этом мало. В Мстителях он чуть ли не самый отстойный персонаж. Как-то Эйса позвали на вечеринку, назвав его Капитаном Америкой. А он сказал, что захватит с собой Сокола. Конечно же, это был я. Кэпом больше его не называли, но мое прозвище прижилось.

– А где Алиша?

– Да ее по работе дернули, сейчас подойдет. Ну как ты?

– Уже лучше, но встать не хотел. А ты, гляжу, как обычно, уже всю чакру восстановил.

Меня все еще штормило, поэтому первым делом заказал себе жирнющий бургер с картошкой. Ну и раз я в баре, как можно не взять пивка. Я разглядел в толпе невысокого короткостриженного блондина с лохматой бородой. Официант Винни. За последние пару лет мы хорошо сдружились, и, если он не работает, то скорее всего пьет с нами или играет дома в онлайн-игры.

– Как жизнь? – Винни тепло улыбнулся и крепко пожал мою руку, так непривычно сильно, что она слегка заболела.

– Пойдет. Как видно по моему состоянию, большего я сказать не могу.

– Да ладно, сейчас тебя быстро поставим на ноги! Как обычно?

Я кивнул. Через пару минут на столе стоял холодный бокал «Уайт Касл», местного нефильтрованного пива, которое варил сам владелец заведения. По стеклу медленно стекала капля конденсата, и я скользнул рукой по бокалу, собирая образовавшуюся влагу, с удовольствием растирая ее по лбу.

– Не хочешь пройтись потом? На улице вроде неплохо, – спросил Эйс и тут же отхлебнул из моего бокала.

– Доминант что ли? У тебя свой бокал есть, – вечно он так делает...

– У меня другое. Хочешь попробуй, – он кивнул в сторону своего пива.

– Ты опять эту свою ипу пьешь. Ушная сера, и только. Обойдусь.

Глядя на друга, пришла в голову мысль: если поднести к его голове мой бокал пива, то оно пропадет из виду, сливаясь на фоне его пшеничных волос. Мне хотелось в очередной раз пошутить по поводу его выпирающего подбородка, что-то вроде: «Все пьют воду из фильтра, в то время как ты ров своей лопатой роешь, чтобы утолить жажду», но эта шутка была уже так заезжена, что мне стоило подождать пару дней, чтобы ее повторить.

К столику подошла Алиша и приобняла меня сзади.

– Рада, что ты жив, Сокол. Мстители без тебя не справятся, – два сапога пара...

Несмотря на вчерашнюю пьянку, Алиша выглядела бодро и свежо. Кудрявые волосы были собраны в небрежный пучок, из которого по бокам свисали волнистые локоны цвета старого дуба – где-то темнее, а где-то светлее, словно обожженные солнцем. Она встряхнула головой, и волосы рассыпались по плечам, напоминая древесный пепел. Сегодня она была в строгом костюме, завтра – в цыганской юбке, и ни один образ не казался ей чужим. Ее голубые глаза, яркие и ясные, были единственной постоянной деталью во всей этой переменчивой картине.

– Какие планы? – спросил я.

– Да просто хотели пройтись. Может, до пляжа дойдем? Слышала, сегодня «Местный Житель» будет снимать там ролик.

– О чем? Лето прошло – там никого нет, – я немного удивился, потому что в это время года пляж пустовал.

– Ну так там же залив. Придумает что-нибудь, про легенду может расскажет.

– Опять это. Поначалу, конечно, было прикольно слушать про эти выдумки, которые гиды, словно чушь, несут направо и налево в старом городе. Но когда это превращается в заезженную пластинку, то, откровенно говоря, начинает бесить.

– Друг, смотри шире. Или не ты хотел написать рассказ? Все равно же гулять будем, – добавил Эйс.

– Роман, – поправил я и многозначительно отхлебнул светлое нефilterованное, на что друг лишь закатил глаза.

Пока бокалы не опустели, а мой бургер не превратился в тарелку, усеянную крошками, за столом гуляли шутки и воспоминания со вчерашнего вечера.

Мы сели за свой привычный столик часов в десять вечера. Когда директоров нет в городе, Алиша просто выставляла на него бронь и запрещала официантам ее снимать ни при каких обстоятельствах. Мы вели себя прилично, пока заведение не закрылось, и, выключив везде свет, наш тусич продолжился без ограничений в поведении. Мы поспорили с Тони, что он не выпьет текилу из пупка Эйса. Это была легкая манипуляция, потому что пьяный Тони готов практически на любой движ. Он ссал на машины, как он сам говорил – «За дружбу!», а нам позволял выбирать, на какую именно придется удар. Конечно, мы всегда выбирали ту, что подороже.

Когда мимо заведения шел какой-то ночной бродяга, Тони сам, как с цепи сорвался, рванул к следующему окну, стянул с себя штаны с трусами и примостился жопой к стеклу. Мы наблюдали за прохожим, в надежде, что он заметит расплюснутые булки Тони, но тот просто прошел мимо, и мы раздосадованно заулюлюкали.

Причин выпить мы не ищем, обычно это спонтанные посиделки. Я не всегда люблю выбираться из дома, во мне больше домоседа, чем тусовщика. Но друзья умеют уговаривать, да и по факту вечер всегда проходит с горой смешных воспоминаний.

Голова вернулась обратно в настоящее, и вдали я заметил знакомые лица – бывшие коллеги. Не люблю встречать знакомых, это всегда сопровождается вопросами: как у меня дела, чем сейчас занимаюсь и т. д. и т. п. Мое занятие вряд ли кто-то оценит всерьез, особенно среди мужиков из мастерской, где работают с металлом.

Мы попрощались с Винни, обещая еще зайти попозже. Наш городок небольшой, с населением около сорока тысяч человек. Выйдя на улицу – нет-нет, а встретишь знакомых, особенно в самом центре, где большая часть людей и проводит время. Бар, из которого мы вышли, называется «Олимп». Он считается спорт-баром, но здесь часто проводят время и те, кто спортом совершенно не интересуется. От бара до пляжа нас ждала получасовая прогулка, по сути, в одном направлении. Идя вдоль парка по Первой Центральной, я, порой словно турист, заглядываюсь на старинные здания и их интересную архитектуру. На одних домах из камня вырезаны медведи, на других – птицы, на входе в банк красуются девы с весами. Интересно, какая история у того или иного дома, какую идею вкладывал архитектор в каменную резьбу. Окрас домов сменялся один за другим. То серый гранит, то желтый, то бледный известняк или обычная кирпичная кладка. Здесь дома – как люди, ни один не похож на другой. Как ни странно, но туристы редко здесь ходят, в основном когда ищут какой-нибудь бар или отель. Большинство из них уже идут из старой части города, где весь день любуются полуразрушенными домами, часовой башней, ратушей и главное – крепостью на воде и башней Олафа. А после долгого дня бредут, чтобы выпить да поболтать. Поднимать головы, чтобы увидеть красоту, которая возвышается над ними, они уже не в силах.

Пройдя мимо рынка и старого города, в котором как всегда куча этих самых туристов, мы вышли к мосту, что пересекал Нерейский залив. У воды была пристань вдоль самого моста с катерами и небольшими яхтами. Справа возвышалась башня Олафа над крепостью. Люди, словно муравьи, ходили цепочками туда и обратно. Туристы, которые быстро начинают раздражать... Стоят и пялятся, не давая пройти, вечно приходится их расталкивать. Я был почти уверен, что в туристический сезон местных было гораздо меньше, чем приезжих.

Идя вдоль моста, я то и дело бросал взгляд на воду. Мне нравилось на нее смотреть, есть в этом что-то успокаивающее. Хотя и пугает она не меньше, ведь в этом темном омуте ничего не видно. Никогда не знаешь, насколько там глубоко и что может быть на такой глубине.

Как-то по новостям передавали, хотя в основном эту весть разнесло сарафанное радио – на набережной то ли всплыл труп, то ли течение принесло. Шумихи было много, хотя и недолго. Экспертиза показала, что какая-то женщина напилась, упала в воду, а при ударе потеряла сознание. Такое уже бывало, но ощущение, будто на каждого утопленника вешают такой штамп, чтобы не разбираться.

– Чувак, тебе Тони еще не писал? – Эйс загорелся рассказать какую-то новость, да так, что одно его лицо всем своим видом кричало: «Ты сейчас офигеешь».

– Да-а, мы конечно поржали, – добавила Алиша, – У нас шизик завелся.

– Та-ак? – подыграл я.

– Короче, Тони шел домой по набережной... – начал Эйс, но я тут же его перебил.

– На кой черт он на набережную поперся?

– Сказал, что подышать хотел, демон из него лез, так сказать. Так воот... – на мгновение он задумался, пытаясь восстановить мысль, – ...встал он у ступенек к причалу, как начало подходить к горлу. И в итоге все ступени залил своими извержениями. Пока ему хреново было, он там присел, ну, где чисто было, а не в это... Ну ты понял. А головой на перила оперся. Сказал, что так его давно не накрывало. У него прямо шиза какая-то началась, вода стала двигаться, мерещились странные звуки, – его тон нагонял мрачности.

– Типа видел, как бегут волны, и слышал гул ветра?

– Да нет, Сокол! Вода двигалась в разные стороны, словно при бурлении, вдуплил? А звуки ни на что не похожие. Но, говорит, обделался он знатно от такого. Словно из глубины исходил какой-то треск...

– М? – я приподнял бровь, ожидая понятного объяснения.

– Ну, как в «Хищнике», понял? Щелканье такое стремное.

– Не, это реально шиза уже какая-то. Ветки, может, трещали от ветра, а вода, ну не знаю, рыба крошку с поверхности клевала.

– А что еще-то, – Эйс рассмеялся, – вот алкозавр, во дает!

– Пф, – фыркнула Алиша, – Микк и сам тот еще призыватель демонов. Когда он на твоём дне рождения пошел ночью в туалет, вот там и правда звуки из бездны шли. Только из адской! На всю квартиру, да что там, на весь дом! – после чего Эйс поддакнул, и они опять рассмеялись, вспоминая, как меня тошнило.

– Тем не менее... – продолжил Эйс, – Сегодня Тони общался с приятелем из полиции. Вчера пропал человек, а последний раз его видели как раз на набережной.

– А вот это уже интересно, – я слегка напрягся, – Может, как раз в тот момент там кто-то тонул?

– Как бы этому пьянчуге ни было плохо, уверен, человека он бы заметил. Хотя... кто знает...

После этой истории я еще один раз бросил взгляд на воду и представил Тони у той лестницы. Небольшое тепло улеглось на сердце от чувства, что не одному мне было плохо. Я друзьям зла не желаю, но когда тебя тошнит от выпивки и твоего друга тоже, тебе от этого становится легче.

Но вот что происходило в этот момент на набережной, стало для меня загадкой.

Дойдя до конца моста, мы свернули на тропу, ведущую к пляжу. Слева у воды были припаркованы катера вдоль южной гавани. На камнях вдоль берега встречались рыбаки, а справа от дороги возвышались скалистые холмы. Если подняться наверх, то можно хорошо разглядеть ратушу и часовую башню, с высоты открывался вид на Старый город. А место само по себе мне всегда казалось красивым. Одиноким дуб возвышался на склоне, а с его ветвей на толстых веревках висела самодельная качель из досок. Мне казалось, что это место было чертовски похоже на холм из американского Винни-Пуха. Когда-то с этого места было видно чертово колесо расположенное на Батарейной горе в другом конце города. Долгое время оно было заброшено, поэтому подростки часто забирались на его, а после несчастного случая с одним мальчиком колесо разобрали. От этого немного грустно, тот пейзаж навевал мне ностальгию. Когда в детстве мы гуляли с мамой, то доходили до этих холмов и глядели оттуда на город. И в голове отпечатались эта картинка вместе с чертовым колесом.

Пройдя мимо холмов и причала у Смоляного мыса, нас встретили руины. Заброшенные здания, в основном оставшиеся с военного времени. Окна были разбиты, а стены разрисованы надписями. Вдоль них по другую сторону тропы на склоне шуршали деревья, а о камни плескалась вода. Летом по этой дороге часто ездят машины, но сейчас лишь иногда проходят мимо парочки и семейные компании по пути к кафе.

Заброшенные дома закончились, и мы вышли к пляжу. Ветер здесь еще сильнее, хоть и время прохладное, но благодаря ему мне стало гораздо легче, чем утром. Где-то вдали висит вывеска над кафе «Остров», но вряд ли мы туда пойдем.

Песок был твердый, и я старался идти аккуратно, чтобы ничего не просочилось ко мне в кроссовки. В целом это место выглядит таким себе курортом, глядя на мусор, торчащий из песка. Тут тебе и окурки, и крышки от бутылок. А если повезет, то можно и саму бутылку найти, да еще и разбитую. Возможно, здесь кто-то и убирает, но только в сезон.

Осень подходила для этого места больше всего. Безлюдный пляж с небольшим скальным выступом у дальнего края, к которому сделали ступеньки. С другой стороны – чаща, под деревьями которой летом отдыхали в тенике люди.

Алиша куда-то ткнула пальцем, потеряв Эйса за плечо.

– Вон, смотрите!

Недалеко от чащи у воды стояли двое парней. Один снимал на камеру и показывал, что получилось, второму, а тот оценивающе кивал.

– Эу, «Неуместный житель»! – Алиша помахала рукой, на что ребята тут же ответили тем же.

– Да местный я, местный! – дружелюбно встретил нас блогер.

Алиша крепко обняла Отиса, а его оператору показала два пальца, означающих «Мир».

Я холодно кивнул и пожал обоим руки. Не то чтобы я испытывал к ним неприязнь, но незнакомцы меня не радовали, особенно если были болтунами. Отиса я знал по его блогу, но оператора видел впервые.

Эйс в свою очередь с каждым приветливо скрестил руки, словно они собирались заниматься армрестлингом.

– Кто не в курсе, это – Отис, – Алиша развела перед ним руки, словно демонстрируя новенький автомобиль.

– Да все тут его знают – единственный адекватный канал на весь город, – добавил Эйс.

– А этооо... – она протянула окончание, прищурив веки, ожидая, что оператор блогера назовет свое имя.

– Матьё. Рад познакомиться с вами, – явный акцент и ошибки в предложении выдавали его за чужестранца. Он быстро пробежался глазами по каждому, запоминая нас.

– Je m'appelle Алиша, il s'appelle Эйс, – она указала на своего парня, после чего кивнула в мою сторону, – Et Миккель.

– Oh! Tu ne parles pas français? – радостная улыбка расплылась на лице оператора.

– Не особо, – отрицательно закивала подруга, – Это я выпендриваюсь. Раньше учила, но уже подзабыла.

– Мне жаль, люблю родной язык, но тут говорить некому, – искорка в глазах Матье потухла, и он вернулся к своей камере.

– Эй, ну... Я друзей поспрашиваю, может, кто знает, – подруга хотела подбодрить нового знакомого, на что тот натяжно, но без издевки улыбнулся и тут же стал что-то рассматривать на экране своего Nikon.

– Вы тут давно? – на этот раз заговорил Эйс.

– Пару часов. Не можем место выбрать, чтобы кадры интереснее смотрелись. Заинтересовать публику в две тысячи подписчиков не так-то просто.

– Будто у них есть выбор, кого смотреть, – усмехнулся Эйс, не поняв, что это может быть комплиментом ровно настолько, насколько жестокой шуткой.

– Спасибо за добрые слова, – Отис правильно понял посыл друга, – Как раз готовим именно такой материал. Хочу рассказать о городской легенде. Мне кажется, это привлечет еще больше туристов и больше предложений о сотрудничестве от местных. Один знакомый подогнал мне кое-какие записи. Только я пока в них не разобрался.

После его слов о туристах меня немного скрутило. Не надо туристов!

– Так ты пока только каналом занимаешься? – поинтересовалась Алиша.

– Да, но... – он слегка наклонился и стал говорить вполголоса, – ...иногда подрабатываю, прощупывая чужие секретки. Только тсс! – Отис ухмыльнулся.

Мне было невдомек, зачем он говорит о подобных вещах при нас, но, наверное, его дружеские отношения с Алишей были крепче, чем кажется, и на нас распространялось его доверие, раз уж мы пришли вместе.

– А ты много знаешь об этой легенде? – неожиданно для себя я проявил интерес.

– Да, кстати! – на мое плечо упала рука Эйса, – Микк же хочет написать расс... роман! Может, вам объединиться и забаббахать что-то крутое?

О нет, что ты делаешь... Мы же совсем не знакомы, а работать над таким интимным процессом и без того тяжело. Тем более пишу я о другом. Вечно ты лезешь, куда не просят!

– Ого. Правда? – серьезно спросил Отис, задумчиво почесывая за мочкой.

Я обреченно кивнул.

– Идея хорошая. Я много разной информации нашел и объединил в одну историю. За несколько сотен лет каждый рассказывает ее как хочет, и не знаешь, кому верить. Мне бы пригодился навык писательского расследования. Можно сделать видеоматериал для канала и подкрепить его художественно-биографическим рассказом. В нашем городке люди будут брать на ура! – парень, казалось, слишком быстро воспылал новой идеей, а меня лишь перекосило после слова «рассказ».

Некоторые люди обладают даром. Я считаю именно так и никак иначе. Дар говорить – нет. А вообще, говорить то, что думаешь, не боясь осуждения со стороны. Алиша говорила такие прямые вещи людям, которых не знает, тыкая их лицом в их же ошибки, что для меня просто непозволительно, ведь я просто умру тогда. Не по-настоящему, конечно, но умру от угрызений совести, неприятных осуждающих взглядов. Не дай бог еще спорить придется! Конфликты – это хрупкий мост в межскалье, а я иду по нему, и каждое мое оспоренное слово обрывает подо мной дощечки.

В итоге Отис предложил обменяться контактами, и я, против своей воли, согласился. Достал из кармана телефон, забитый номерами людей, с которыми по большому счету меня познакомили Эйс и Тони, и вбил новый контакт.

Тишина волной разбилась о скалы, подобно морю. Разбилась звуком популярной песни в стиле рэп, которую крутили по всем музыкальным каналам и на всех новомодных радио. По ночам можно было услышать ее в припаркованных тонированных тачках с открытыми дверьми, возле которых терлись всякие придурки. Это была любимая песня Алиши.

Она отошла в сторону и сняла трубку. Алиша делает так только когда ей звонят родители, и это бросается в глаза, ведь звонят они не часто. Я сам боюсь таких звонков и каждый раз, когда мне звонит брат, вздрагиваю. Это напоминает мне о том времени, когда я был счастлив, и это счастье утратил в одно мгновение.

Всегда улыбчивая, позитивная, пропитанная жизнью Алиша подошла к нам, но жизни на ней не было. Разбитые глаза безрезультатно пытались сдерживать жгучие слезы, которые уже катились по коже. И, думаю, мы с Эйсом сразу поняли, что произошло.

– Что случилось?

Алиша подошла совсем близко, ее губы тряслись. Она посмотрела в невинные глаза Эйса и дрожащим голосом произнесла:

– Бабушка умерла...

– Боже... Ши, мне так жаль... – Эйс тут же обнял ее, понимая, что не может ничего добавить.

– Что произошло? – Отис смотрел на нее с искренней грустью на лице. Он сделал неуверенный шаг вперед, будто тоже хотел ее обнять.

– М-мама сказала, что деменция ее вконец доконала. А самое ужасное, что она у... что ее не стало еще вчера днем, но родители решили мне не сообщать, потому что я работала! Блять... как так можно...

Она прижалась лицом к груди Эйса, ее дыхание вырывалось громко и прерывисто. Ши рассказывала много историй о своей бабушке. Я помню, как она была к ней привязана в детстве, и понимал, что сейчас она сдерживается, чтобы не поддаться истерике.

2

Поднимаясь по школьной лестнице, я сторонился несущихся вниз детей. Приходилось прижиматься к стене, чтобы меня не сбили. «Водопад из людей, стекающий в канализацию улиц». Несколько ребят толкнули меня, и, надо сказать, довольно сильно – но боли я не почувствовал. Наконец поток схлынул, и можно было подняться наверх. Только сейчас я задумался: а ведь звонка на перемену не было. Может, что-то случилось?

На третьем этаже, где для развлечений поставили бильярдный стол, было пусто. И слава богу. Та «инновация» долго не продержалась. Сначала все слетелись, как сороки на что-то блестящее. Потом кто-то сломал кий, пытаясь отбить шар, как бейсбольный мяч. Потом украли шары, второй кий, мел. Все, что осталось, забрали учителя. Я лишь успел потрогать сукно болотного цвета – приятное, бархатистое.

Я свернул в коридор. Он был пуст. Пол застелен линолеумом цвета дешевой корицы с уродливыми треугольниками. Меня передернуло от одного его вида.

Кабинеты были закрыты, но из дальнего конца правого крыла доносился шум. Я разглядел открытую дверь и свет, сочившийся из кабинета информатики.

Когда я зашел внутрь, меня накрыла мысль: «А где все компьютеры?»

В кабинете толпа подростков сидела на полу, а те, что за столами, играли в планшеты.

– А где все компьютеры?

Один из парней, видимо, администратор, оторвался от своего планшета и, с уставшими, почти смыкающимися веками, ответил:

– Коронавирус. Компы пришлось продать.

Меня тут же разобрал смех от нелепости картины. Это не класс информатики, это игровой клуб с планшетами вместо компьютеров. Я достал телефон, чтобы сфоткать это и показать друзьям.

– А в Subway Surfers можно будет скатать? – шутка казалась мне настолько смешной, что я еле выдавил ее сквозь смех.

Все молчали. Но в какой-то момент оказалось, что никакой толпы нет – нас всего четверо.

– Микк, только долго не задерживайся, у нас работы много, – сказал Нил, мой начальник на производстве.

Что он тут делает? Школьный класс превратился в компьютерный клуб, а теперь здесь мой начальник. Он сидел за одним из планшетов, что-то рассчитывая – видимо, для нашей мастерской.

Но я ведь уволился. Почему он ждет, что я пойду работать?

Не дожидаясь повторного напутствия, я вышел из «компьютерного клуба».

За дверью не было прежнего коридора. Широкий зал, похожий на ночной клуб «Жасмин» недалеко от старого города. Гудела музыка. Вечеринка? Очень похоже. Слабый стробоскоп мерцал над головами, окрашивая всех в разные цвета. Хотя странно – в углу стоял ларек с японской мангой. Продавщица была в маске. «Коронавирус опять разбушевался?» – подумал я и направился к барной стойке.

Выпил стакан виски, который на вкус оказался обычной водой.

Мне казалось, что я здесь не один. Не в том смысле, что здесь больше нет людей, но среди них должен быть кто-то важный для меня.

И вот в толпе я разглядел знакомые очертания.

Меня окликнула сестра, подзывая к себе.

«Когда она успела приехать?»

– Братишка? Ты выглядишь напряженным, – пританцовывая, сказала Сина.

– Что? – переспросил я, удивленно.

– Ты какой-то скованный, как мне кажется. Ладно. Не важно. Вон там, смотри! – все так же приплясывая, она указала на край танцпола и растворилась в толпе.

«Мама?»

Я замер.

Около двух минут я не мог прийти в себя, стоя как вкопанный. На краю танцпола стояла моя мама с бокалом шампанского. Но я не видел ее лица – оно расплывалось, будто не в фокусе. Она улыбалась, это я чувствовал. Казалось, она кого-то ждет. Я вглядывался изо всех сил. Она помахала в мою сторону. Неужели мама ждала меня?

Когда я подошел, все казалось обычным, спокойным. «Неужели ничего не произошло и это был сон?»

Странное ощущение внутри – будто желудок накачали гелием. Ноги едва держались на полу, им хотелось оттолкнуться и взлететь.

– Микки... – мама прижала меня к себе.

Трепет разлился теплом по телу, а на глазах выступили слезы. Они были пропитаны болью, скопившейся за все эти годы. Наконец эта боль вырвалась наружу и потекла по щекам, обжигая кожу. Я даже не заметил, как мне стало холодно.

– Мама, как ты здесь оказалась?

Но она лишь молча улыбалась, поправляя мне волосы. Ее лицо расплывалось, как отражение в луже от бегущей ряби.

К нам подошла Сина.

Первое, что сорвалось у меня с губ:

– Ты ее видишь?

– Да, – усмехнулась сестра.

Я схватил первого попавшегося парня, пробирающегося сквозь толпу.

– Ты тоже ее видишь? – в голосе уже звучала тревога.

Он взглянул на маму, заранее поняв вопрос, затем стряхнул мою руку и направился дальше.

– Мама... – мой собственный дрожащий голос пугал меня.

Что-то здесь было не так, но я отчаянно не хотел об этом думать.

– Я здесь, Микки, – ее голос эхом отдавался в голове.

Она взяла мою руку и крепко сжала, будто хотела сказать: «Я тебя никогда не отпущу».

Что-то здесь было не так...

Я открыл глаза. «Где я?» – первая мысль, мелькнувшая после сна.

Моя рука крепко сжимала одеяло. Я нехотя разжал пальцы, а раскрытая ладонь наполнила меня чувством вины.

Это был сон или смешанные воспоминания?

3

Отис

Настенные часы громоздко отстукивали секунды. Еще несколько рывков – и минутная стрелка сдвинется на цифру два, а циферблат покажет точное время – 16:20. Я, сам того не замечая, ковырял кожу на большом пальце, а мои ноги нервно выстукивали непонятный ритм. Скамейка опустела за последние двадцать минут, и директор вот-вот вызовет меня, а дальше все как по методичке: меня отчитают, спросят, зачем я гроблю свое будущее, и наконец сообщат отцу, что я в очередной раз прогулял школу.

Мне подумалось: о чем я переживаю? Алиша недавно пережила такое горе, а я волнуюсь о наказании, заранее зная, какое оно будет. Но меня не покидала мысль, что будет, когда я вернусь домой.

Круглая ручка, похожая на золотой купол, повернулась, и дверь открылась. Дик Диккер выглянул и пригласил меня войти в кабинет. Раньше было сложно сдерживать смех при виде его имени на двери, но долгие практики посещения его кабинета сейчас вызывают лишь слабую улыбку. Ребята в школе часто прикалываются над ним, за спиной, конечно же, называя Херовым Хером.

Директор восседал на своем кожаном кресле. Локти упирались замшевыми заплатками пиджака в деревянный стол – с виду ручной работы. Пальцы сцепились между собой, готовые по команде жестикулировать, придавая значимость словам. Одновременно пустой, пронзительный взгляд говорил, что ему нет до меня дела, но он должен быть авторитетом. Гладко выбритая кожа выставляла на обозрение морщинистые щеки. Нос-крючок сдерживал круглые линзы в толстой оправе. И эти острые, противные губы, которых почти нет, – вот-вот заговорят.

– Отис. – Диккер глубоко вздохнул. – Сколько еще будет все это продолжаться? Скажи, пожалуйста? Я, откровенно говоря, устал от твоих прогулов. Ты умный парень, который не думает о своем будущем. – Его голос звучал вальяжно, даже изысканно, как у аристократов. – А что скажет твой отец? Уверен, его это сильно расстраивает. – Он снова глубоко вздохнул и, кажется, сейчас начнет меня жалеть. – Я могу представить, каково это – лишиться матери... Но с тех пор прошло немало времени, надо двигаться дальше и взять себя в руки. Уверен, она бы хотела для тебя самого лучшего. Но чего ты добьешься, если тебя исключат из школы? Подумай о родителях. – Он запнулся.

– Об отце? – я его поправил.

– Верно. Об отце. Учебный год только начался, а у тебя уже четыре прогула. Так что же, у тебя есть какое-то объяснение происходящего?

Херовый Хер нахмурился и секунду-другую смотрел сквозь меня, после чего открыл футляр из крокодиловой кожи цвета натуральной рептилии и достал оттуда тряпочку из микрофибры, а затем начал аккуратно протирать ею свои очки. Я глядел, как он стирает какое-то еле заметное пятнышко. В этот момент в его глазах было больше жизни, чем при разговоре со мной. Когда он закончил, в них снова вернулась надменная пустота.

Я бы хотел сказать, что для меня снимать архитектуру, говорить об истории, вести свой блог и не думать о школе – это спасение. Но разве человек с такими глазами способен ценить что-то кроме своей должности?

– У меня нет оправданий. Просто мне нужно было уйти. По делам.

– Дела? Какие у тебя могут быть дела накануне выпускного класса в учебное время?

Пальцы по наитию потянулись почесать голову, но подходящего ответа они там не нашли, и я подумал: «А к черту».

– А это, Дик Диккер, не твое дело, – я сделал острую интонацию на его имени.

Не знаю, чему я больше был доволен: тому, что нашел смелости сказать что думаю, или шансу лицезреть проявление эмоций на лице директора? Его ноздри раздулись. Ему не хватало лишь способности извергать пар, при этом издавая характерные для быков фырканы. Без того острые черты лица превратились в кинжалы из дамасской стали, готовые изрезать меня на части. Тонкие губы сжались и совсем пропали из видимости, от чего на моем лице сверкнула насмешливая улыбка. Он хлопнул ладонями по столу, одновременно встав с кресла.

– Как ты смеешь говорить со мной таким тоном, сопляк?! И что за фамильярность?! Тебе кажется это забавным?!

Я пытался сконцентрироваться на том, что он говорит, но мое сознание превратило его в кудахтающего петуха.

Ко-ко-ко!

Ко-ко-ко!

Безудержно петушился и плевался словами директор. От чего уголки моих губ изогнулись еще сильнее, утратив выдержку. В конце концов я просто выдал хриплый смех, от чего Херовый Хер впал в ярость, метнув пальцем на дверь.

– Вон из кабинета!

Я заметил краем глаза, как его рука потянулась в карман за телефоном.

Тревога заколотилась в сердце. Вуаль перед глазами спала, раскрыв для меня неизбежное будущее.

Не хочу думать, что меня ждет. Пока я шел по школьному коридору, рука сама залезла в карман за телефоном. Я набрал Матье в надежде, что он не занят. Мне нужно переключиться на что-то другое.

– Bonjour, Отис! – Матье стоял у ворот в парк Монрепо, прицеливаясь в меня камерой.

– Bonjour! – я радостно помахал рукой.

– Ты знаешь, что это не французский?

– Разве?

– Италия, мой друг.

Мы посмеялись и двинулись вперед.

Это одно из моих любимых мест Нерейского залива. Здесь получают самые живописные пейзажи, особенно такой волшебной осенью. Красно-оранжевая листва стелется ковром вдоль дорожек у бухты, а скальный выход гранита делает это место столь величавым, сколь и романтичным. На холме слева туристы сидели в чайной беседке с крышей-зонтиком – излюбленная достопримечательность многих приезжих. Я сам люблю там посидеть, но не часто удается найти свободное место, чтобы присесть.

– Сначала заберемся наверх, где обелиск братьям Броглио. Можно будет взять хороший ракурс с возвышенности на бухту. – Когда мы огибали скалу, я обратил внимание Матье на островок напротив. – А на фоне взять в кадр Остров Палатку.

– Как скажешь, мой друг. Здесь очень красиво.

Матье заворожено осматривал деревья, стремящиеся ввысь, желтые ирисы вдоль дорожки и кубышки, плавающие у берега.

Я встал на фоне обелиска метра три-четыре в высоту. Местами проглядывали трещины, а по краям откололся камень. В метре от земли в углубленной рамке был текст, который со временем стал практически неразличим. Я начал рассказывать о достопримечательности, стараясь внести жизнь в свой рассказ, подогревая речь жестикуляцией и отыгрывая мимикой, словно выпускник актерской школы.

– Когда-то на вершине скалы был построен маленький храм Амура, но в 1827 году барон Пауль Николаи возвел здесь обелиск Броглио. Он посвящен двум братьям его жены – Александрине Симплиции де Брولي, которые, к несчастью, погибли на войне совсем молодыми...

Стараясь не затягивать историю монумента, я подчеркнул, на мой взгляд, лишь самые важные и интересные моменты, а после мы двинулись к Острову Палатке.

– Почему ты говоришь «Монрепо»?

– А как говорят французы?

– Мон репу́, – ответил Матье, произнеся название на чистом французском. – Мой покой.

– Вот как? Наверное, потому что мы не можем передать всю изысканность вашего языка.

Матье неловко улыбнулся. Кажется, лесть удалась. Хотя, несомненно, есть в этом неведомая истина магического звучания французского языка.

Запись про Остров Палатку вышла по длительности плюс-минус как и про обелиск, и я был доволен. Мне хотелось поскорее добраться до Острова Мертвых. На обратном пути за выпуклым над водой мостиком меня улыбнули на траве островки из клевера – плешистые, но в хорошем смысле. Своими собраниями они казались чьей-то задумкой.

– Матье, скажи. Ты чем в свободное время занимаешься вообще?

– Как сейчас?

– Нет. Я имею в виду, помимо. Работаешь, хобби может какое есть или с девушкой время проводишь?

– Нет. Мы здесь недавно. Не успел прижиться, но мне начинает нравиться этот город. Много гуляю, помогаю родителям с бизнесом.

– Твои предки заставили тебя откликнуться на мое объявление в поисках оператора. Я подумал, что они и в остальном тебя контролируют.

– Я и сам хотел. Так можно быстрее узнать город, и это занятие – Мон Репу, – он подмигнул.

– Интересно получается, дружище. Надеюсь, у тебя здесь все сложится.

– А ты? Что насчет девушки? – он игриво толкнул меня в плечо.

– Ну... – я засмутился.

– Non? Ничего страшного, я тоже один.

– Нет! В смысле – нет, я не это имел в виду. Я еще никому не говорил, хотя и некому. – Матье доверчиво глядел на меня, и мой язык сам развязался. – Но ты же мой друг.

– Mon ami – Отис.

– В параллельном классе учится девушка, Белла. Мы познакомились с ней на мастер-классе по фотосъемке, который проходил у нас в школе. Это было в конце весны. Она уехала отдыхать в Грецию на все каникулы. Кажется, у нее там бабка живет...

– Excusez-moi, бабка?

– Это мы так сокращенно называем бабушек.

– Некрасивое слово.

Я с трудом вернулся к мысли.

– Мы переписывались все лето, и когда увиделись, ну... – это было что-то. Меня словно молния ударила. Я ее обнял, и она так крепко сжала мои плечи.

– Бабочки вот тут? – он похлопал себя по животу.

– Да, точно. Бабочки в животе, – я широко улыбнулся, вспоминая это чувство. – И мы уже пару недель как встречаемся.

– Отис, я рад за тебя, – Матье тепло похлопал меня по плечу.

Обогнув пристань, где останавливаются туристические катера, мы прошли мимо библиотеки, которая раньше служила домом для гостей и прислуги. За ней меж двух скал построили небольшую дань Толкину – нору хоббита, хотя и находилась она не в земле. Сначала мы поднялись на холм, который вывел нас на лучшее расположение напротив Острова Мертвых, где находилась усыпальница. Я забрался на выступающую над обрывом скалу и помог забраться Матье.

– ...но я считаю, что помимо фамильного кладбища это место олицетворяет верность дружбы и память о ней, ведь Николаи разместил в некрополе траурную урну в память о своем земляке и сослуживце...

Облака затянули небо, и начал моросить легкий дождь. Мы как раз спустились по каменным выступам и пошли дальше, скрываясь под кронами деревьев. Глаза разбегались в стороны каждый раз, встречая новые растения или цветы. Только я засмотрелся на изумрудные веера папоротника, как за ним привлекли мое внимание необыкновенные алые цветы, пухом распустившиеся к солнцу.

Мост из березовых бревен рассекал небольшой пруд. Вода в нем от дождя шипела, будто нас окружили змейки. Мы сняли еще несколько видео у берега напротив Острова Любви, про усадьбу Отшельника, статую играющего на кантеле.

Когда дождь совсем разошелся, мы уехали на такси. Матье любезно взял на себя траты и довез меня до дома. Мне не хотелось, чтобы этот день кончался. Еще только вечер, но я хочу думать, что он закончился там – среди скал, клена и желтых лютиков. Я постараюсь сохранить в голове это воспоминание, и только его, будто больше ничего сегодня не произойдет.

Меня высадили перед заброшенным зданием, которое раньше принадлежало Говингу – книжному торговцу. Я не раз лазил туда для съемки материала.

Усевшись на лавочке напротив руин, я дал себе немного времени, морально настраиваясь на то, что меня ждет дома.

Я тихо открыл дверь и так же аккуратно закрыл ее, будто мой приход останется незаметным. В прихожей было темно, я не стал включать свет и медленно направился в свою комнату. Я пристально вглядывался в деревянный пол под ногами, стараясь разглядеть в этой темноте нужные половицы, которые не выдадут меня своим ноющим скрипом. Моя спальня находилась в конце коридора, сразу за кухней, но перед этим мне надо пройти мимо комнаты отца, откуда доносился приглушенный звук телевизора. Дыхание сперло, а кончики пальцев начали неметь. В меня вселила страх мысль о том, что отец меня ждет.

Он смотрел какую-то передачу. Я на цыпочках подошел к открытому дверному проему и заглянул внутрь. Горела лишь настольная лампа, а отец сидел напротив телевизора в удобном кресле, из-за спинки которого было видно лишь его лысеющую макушку. На кофейном столике стояла бутылка водки, опустевшая на три четверти, стакан воды и стеклянная пепельница, забитая окурками, да так, что часть пепла рассыпалась на стол.

Он работал на лесоповале в двухстах километрах от города и мог пропадать там всю неделю, не появляясь дома, а мог всю неделю сидеть перед телеком и пить.

«Спит», – подумал я и выдохнул. Тепло вернулось к моим пальцам, как и слабое чувство успокоения. Он опять напился до беспамьятства. Возможно, и завтра не вспомнит, что ему звонил поганый Дик. Надеюсь на это...

Я двинулся дальше по коридору. Мои ноги ступали словно пух, который ложится на водную гладь, стараясь не волновать покой отца. Три заветных шага до двери. Скину шмотки и лягу спать, хоть еще и не так поздно, а утром уйду в школу, пока старик еще лыка не вяжет.

Из комнаты отца донесся одинокий скрип кресла, леденящий кровь в жилах. На мгновение я забыл, как дышать. По телу прошелся ужасающий разряд тока.

– Думал проскользнуть мимо меня? – раздраженный голос отца сковал меня.

Я развернулся и обреченно пошел обратно, все так же тихо, словно это моя обычная походка. Каждый шаг обрекал меня на неизбежность.

– Нет. И не думал, просто думал, ты спишь. Не хотел тебя тревожить, – я старался держать себя в руках, но мой голос звучал отнюдь не уверенно.

– Че ты там встал? А? Сюда иди. Или хочешь, чтобы я себе шею свернул?

Я прошел в центр комнаты, между телевизором и журнальным столиком. Нас разделяли пара шагов.

Капли воды стекали по длинным, потемневшим от влаги волосам. Мне хотелось их поправить, но вместо этого я просто засунул руки в карманы. Рюкзак все еще был на плечах, от чего спина немного ныла. Мне хотелось сбежать, и в этот момент я ненавидел себя за то, что не мог решиться это сделать.

– Ну и чего ты вылупился? – он мерзко причмокивал губами перед тем, как что-то сказать. – Поведай своему отцу, почему этот хер Диккер звонит мне в мой выходной, – он подчеркнул последние слова. – Почему я должен со всем этим разбираться в свой выходной? – я не знал, что ответить. – Ну? – он поднял указательный палец вверх, будто это особенный день для него. – Говори! – теперь его голос рычал.

– Не знаю... – с дрожью в голосе промямлил я.

– Ты не знаешь? Ага. Ты не знаешь...

Он прижал губы к носу и закивал, глядя сквозь меня. Я почувствовал ветер, предзнаменовавший страшную бурю.

– Ты не знаешь... – продолжал отец. – Что ж, – он медленно поднялся с кресла, я машинально попятился назад.

– Я... я... мне надо было отнять материал, это важно для моей работы.

– Работы? Так ты у нас взрослый, уже значит работаешь? В школу ходить не надо, да? – он смотрел на меня как голодное животное на кусок мяса.

– Надо. Я... я... пойду на дополнительные занятия.

– Неужели? Все так просто, да? А что насчет моего выходного? Его ты тоже компенсируешь?

– Я могу убраться, сделаю, что скажешь...

Он снова медленно закивал, осмотрев бардак в комнате. Часть вещей валялась на табуретке, что-то лежало на кресле, носки под кроватью, одна штора слетела с колец и неряшливо свисала на пол. Журнальный столик покрыт липкими пятнами и крошками от соленого арахиса. На мгновение он остановился на разбитых настенных часах, которые все еще тикали.

Я виновато смотрел себе под ноги. Пальцы на ногах то сжимались, то разжимались.

– Хорошо. Уборка – неплохая идея. Иди сюда, – он махнул ладонью, подзывая меня к себе.

Я посмотрел на него, казалось, он остыл. Сделав шаг вперед, нас разделяло не больше метра, как вдруг мой взгляд приковал ремень, что сжимала его правая рука, от напряжения покрывшаяся венами. Меня ударила дрожь, я остановился и посмотрел ему в глаза. Пустая ярость.

– Папа! Не надо! – я сделал шаг назад, выставив ладони перед собой.

Он замахнулся, будто в его руках был топор, стремящийся разнести бревно в щепки. Первый удар пришелся по рукам. Острая боль пронзила пальцы, и я сразу прижал их к груди.

– Пашу как не в себя, чтобы тебя прокормить!

Когда он закинул руку для удара, я повернулся боком, прикрыв плечом лицо. Блок сработал, а куртка приняла на себя большую часть обрушившейся мощи, и мне было не так больно.

После трех резких выпадов он кинулся ко мне, стаскивая с меня куртку.

– А что в ответ?! Это твоя благодарность?! – до меня дошел тошнотворный запах перегара, который я не замечал.

Он ревел животным истоком.

– Отцу надо подчиняться!

Жгучий кнут обрушился мне на лицо, попал сразу по щеке, виску и уху. Обжигающая боль растеклась по левой части лица, а от хлопка у меня зазвенело в ухе. Он повалил меня на пол. Его колено придавило мою ногу. Лицо вмялось в грязный ковер.

– Ты будешь меня слушать. Ты понял меня?

Мне казалось, истинное первобытное зло нашло приют в теле отца, который когда-то меня любил.

Он задрал мою кофту, и череда ударов пришлась на спину. Я чувствовал всю ненависть, что отец вкладывал в сжатый в руке ремень, ставший продолжением его тела.

Кожаный хлыст яростно резал кожу раскаленным наконечником. Мне стало гораздо больнее. Ремень съехал в ладони, и железная бляха свободно болталась на конце.

Я плакал, хотя знал, что это разозлит его еще сильнее. Из вмятого в ковер носа текли сопли. Я умолял.

– Папа, не надо! Пожалуйста! Я все понял!

– Думаешь, так легко отделаешься? Заговоришь мне зубы? Не-ет.

Вложив в последний рывок всю оставшуюся силу, он начал колотить меня по всему телу. Металлическая эмблема его любимой футбольной команды напоминала кухонный молоток для отбивки мяса.

Острая боль между лопаток.

Поясница.

Правая лопатка.

Я ревел от боли, кричал. От чего удары становились яростнее.

Два мощных замаха по ягодицам. Он задел копчик, и эта боль напомнила удар между ног, такая же оглушающая.

Снова поясница.

Ребра.

И наконец последний, еле заметный, последний вздох ненависти. Я даже не понял, куда именно он попал. Все тело прожигала невыносимая боль. Я распластался на полу и не мог пошевелиться, хоть отец больше не прижимал меня коленом.

Я чувствовал его дыхание. Он был обессилен. Просто стоял надо мной и смотрел на свой шедевр, который всхлипывал после пережитого кошмара.

Я не шевелился. Меня охватил паралич. Рука отца, все еще сжимающая ремень, дрожала. Я боялся посмотреть на его лицо. Вместе с его дыханием вырывались еле различимые стоны. Будто ему самому было страшно. Он простоял так с минуту, после чего рухнул на кресло и завопил, схватившись за голову. Теперь я смотрел на него. И, кажется, мы оба были в ужасе.

Человек, который называл меня тряпкой, наказывал за малейшую слабость, в порыве ярости превращался в беса, увидев мои слезы, – рыдал сам, как маленький ребенок. Тот самый человек, который говорил, что мужчины не плачут, – всхлипывал, уткнувшись в ладони.

Все кончено. На сегодня.

Вместе с моей мамой умер и папа. А вместо него осталось чудовище. Как бы он ни переживал за то, что сделал, отец непременно повторит это.

Он взял бутылку со стола и присосался к ней, словно умирал от жажды, а в емкости была исцеляющая вода.

Я жалел о том, что отец, к сожалению, остался жив в той трагедии. В своих грезах я представлял, что в тот день он был на пассажирском месте, а не мама. Сотни раз проигрывал момент, где она садится за руль и отказывается уступить его отцу.

4

Миккель

Прошла пара недель с утраты старой Эллен. День был тихий – лишь пару раз Алиша с мамой простились горячими слезами. Но в целом на отпевании и самой церемонии они держались сильнее, чем от них ожидали.

Я не мог отвести взгляда от Алиши. Ее глаза... Они не были пустыми. Утрата близкого всегда накладывает на них пелену, сквозь которую человек не видит. Лишь воспоминания крутятся одно за другим, и ты пытаешься их записать, боясь, что они могут стереться, а новые снять уже не получится. Но ее глаза не были затуманены скорбью. В них сохранилось мерцание, как водная гладь отражает мириады звезд. И это вдохновляло жить.

Эллен страдала деменцией в последнее время, и семья морально готовилась к неизбежному. Алиша часто рассказывала, какой она была чудесной и мудрой. Простая и сложная, забавная и серьезная. Такие противоречия ловко гармонировали в одной женщине.

В голове отложились строчки на ее надгробии. Обычно люди не придумывают чего-то большего, чем банальное «Святая память» или «Любим, помним, скорбим...». Но, как мне подсказал Эйс, Эллен оставила строчки, которые хотела донести до людей сама.

*Твой путь тернист, но вечен.
Пусть в бездну свет палящий упадет
И там низринется...*

Я представил себе борьбу света со злом. Наверное, в этом гораздо больше смысла, чем я могу себе представить.

Наши сборы под пиво в баре ненадолго ушли в небытие. Не только Алише надо было время, но и всем нам, чтобы осмыслить чужие жизни и свои собственные. И я начал думать. А точнее – вспоминать. То, от чего прятался и чего боялся больше всего в жизни. Что уже прошло, но так и не смогло уйти.

Я был рад, когда мне пришло сообщение от Эйса:

– Привет, мужик! Сегодня вечером посидим чисто своими? У нас дома. Не забудь ответить.

Текст отдавал чувством тревоги. Неужели из-за того, что друг не придумал изощренное оскорбление, как обычно делал? Без этой изюминки все слова тонут в озере банальности.

– ...мошонка.

Уголки губ заговоренно растянулись широкой улыбкой. Теперь все в порядке.

Я очень люблю копаться в себе. С одной стороны, это какая-то зависимость. Не то чтобы я проводил какой-то самоанализ и делал выводы. Вместо этого я придумывал сюжеты собствен-

ной жизни: «Если со мной что-то случится... Что именно? Как я с этим справлюсь? Что будут говорить близкие?» – и так каждый день, каждую ночь. И это лишь малая часть всей тревожности, что сопровождает меня в течение каждого дня. Все идет с детства, верно? Порой какие-то пустяковые ситуации, произошедшие с ребенком, превращаются в огромную глыбу, когда мы вырастаем.

– Миккель?

Кажется, я что-то сказал и, поглощенный мыслями, утонул в собственной голове.

– Ты молчишь уже две минуты. Поделишься со мной?

– Простите. Мои кошмары вернулись, и я опять плохо сплю.

– Как ты себя чувствуешь? Тревога, апатия?

– Бывает. Наверное, это из-за смерти Эллен. Ощущение, будто такие события меня переменяют во времени, где я проходил через утрату, и снова начинаю это переживать. Чувствую.. Всегда сложно описать, что я чувствую, чтобы вы меня поняли...

– Скажи то, что приходит в голову, – это будет самый точный ответ.

– Я заперт где-то внутри и одновременно где-то далеко. Словно здесь лишь часть меня, а часть осталась в прошлом. Я бы хотел просто избавиться от этого чувства.

– Но ты понимаешь, что это не решение, а способ убежать от себя?

– Разве я уже не убежал, причем сам того не осознавая? Часть меня остановилась, а вторая продолжила идти. Но все это происходит в каком-то временном сознании...

– Это одна из причин, по которой ты здесь. Мы собираем тебя воедино. Ты говорил, что это плохое и хорошее. Плохие мысли и хорошие. Плохие поступки и хорошие. Почему-то ты всегда стараешься разбить все по колонкам. Но так ли оно на самом деле? Как ты думаешь, что такое плохой поступок?

– Мм... – маленькие человечки в моей голове копошатся в поисках наилучшего ответа.

– Убийство – это плохо. Или вы скажете, что это не так?

– Скажу, что все относительно. Непреднамеренное убийство человека, который угрожал жизни твоей семье, – это плохо? Нет. Это никак. Это произошло. Если делить все на хорошее и плохое – ты всю жизнь будешь на этом зациклен. А ведь большая часть вещей в жизни просто происходит и от тебя не зависит, но ты копаешься в этом, ищешь причины, которые просто не нужно искать. Ты рассказывал, как рассыпал мелочь, стоя в очереди в магазине, и людям пришлось ждать, пока ты ее соберешь. Это плохо? Нет, Миккель, это просто произошло. Но ты относишь такие ситуации в раздел «плохо» и переживаешь за них. Люди в очереди смеялись над тобой? Нет. Или же они разозлились и наговорили тебе грубостей? Опять же – нет. Даже если у них были какие-то мысли – это их мысли. Пусть они с ними и живут. Не проецируй мышление окружающих людей на собственное. Это пассивная манипуляция собственного сознания, и выплывает она из самокопания.

Еще одну минуту я молча размышлял о сказанном Марго. На сессиях минута молчания длится гораздо дольше, чем показывают часы. Но не успел я прийти к мысли, как психолог продолжила:

– Я дам тебе домашнее задание: в течение недели запиши ситуации, которые тебя тревожат. Сделай три колонки:

Первая: ситуация;

Вторая: что именно тебя тревожит;

И третья: почему это тебя тревожит.

Мы их разберем на следующем занятии. И напоследок спрошу. Ты не думал вернуться к медикаментам?

– Нет. Иногда пью снотворное.

- Я не вижу того, чтобы ты находился в критическом состоянии, в котором пришел ко мне впервые. Так что я бы тоже не хотела возвращать тебя на таблетки. – Она глубоко вздохнула.
- На сегодня все. Поразмышляй о том, что я сказала.
- Хорошо. Всего доброго.

Сумерки наступали все раньше. Каждый день становился короче предыдущего на пару минут, а затем наступала ночь. Все более темная и глубокая. Из-за северного расположения города летние ночи могли стать проблемой для чуткого сна без плотных штор, ведь свет просачивался в спальню, будто за окном пасмурный день. Но осень уходила дальше, приближаясь к холодному соседу, а вместе с ним приближалась долгая тьма. В шесть часов вечера везде горели фонари, и в своих теплых тонах город становился болезненно желтушным, словно болен. Дворики с детскими площадками начинали пугать из-за небольшого количества света и детей, с которыми редко гуляют по вечерам в холодрыгу. Голые ветви деревьев сплетались, словно щупальца монстра, который разорвет тебя на части. Их скрип от сильного ветра нагонял тревогу. Дятел-юморист выдолбил две щели, похожие на маленькие глаза, а кора дерева снизу разошлась вдоль на добрый метр – и это чудище взирало на меня словно озлобленный Энт. Но не тот, что помогал полуросликам Мэри и Пиппину. Как назвал его Тони: «Это типичный Энт-курильщик». Дворик что надо. Неудивительно, что на площадке нет детей – они берегут психику дома.

Пип...

Пип...

Пип...

– Они че, там трахаются, что ли? – Тони всегда раздражала манера Эйса долго отвечать, долго собираться или долго прощаться.

– Если они только начали, то через минуту уже ответят.

– Ха-ха. Это было хорошо. Жалко, что этот Сныть не слышал.

Тони мог понять почти любую шутку, а если нет, то не подавал вида. Если разговор приобретал серьезный тон, то и он сам становился тверже. Его открытое, добродушное лицо располагало к себе с первой минуты. Возможно, из-за этого у него было так много друзей.

Хоть на улице и было прохладно, Тони щеголял без шапки. Короткие каштановые волосы торчали непослушным ежиком, а в его зеленых глазах пряталась легкая, мальчишеская наивность. Кругловатый нос и такое же круглое лицо составляли мягкую, понятную форму, которую лишь слегка огрубляла небольшая щетина. Сам по себе он был крупный и плотно сбитый, так что мы не особо удивились, когда узнали, что он начал заниматься боксом.

– Аллю? – ответил мужской голос.

– Аллю, – передразнил Тони.

– Это кто?

– Ты отсталый?

– Пошел ты!

Домофон запищал, и дверь открылась.

Стол был уставлен пивом, вином и снеками. Именно так традиции формировались в нашем кругу: что было сделано однажды и дважды, делается всегда. Кто-то скажет, что мы бесимся, вкусив взрослой жизни, что мы спиваемся или не умеем проводить время без алкоголя. Что в принципе – это алкоголизм. Но мы так не считаем. И размышлять тут больше не о чем.

– Как твои сессии? – поинтересовалась Алиша во время неловкой паузы.

– Вынос мозга, как всегда. А ты... Ты не стала снова заниматься?

– Я в порядке. Не переживай. И меня уже напрягает атмосфера. Все хорошо, народ! Мне было плохо первые дни, но потом я разбирала бабушкины альбомы и столько хорошего там нашла. Она прожила отличную жизнь и ни о чем не жалела. Я просто поняла, что хочу также. Я не буду убиваться и просто проживу еще круче, чтобы потом на небесах сказать ей: «А я тебя сделала». А потом мы две старухи сядем на лавочке и будем покрывать дерьмом современную молодежь.

Все рассмеялись, после чего напряженная атмосфера и правда улетучилась в небытие.

– План надежный, для меня там место найдется? – подыграл Тони.

– Ты со своей бабкой тусуйся, – бросил Эйс.

– Так она же глухая!

– Так на небесах всей этой херни нет! – добавила Алиша.

– Так на небесах и старых нет, там все молодые и красивые. Какую молодежь вы там обсуждать собрались? – парировал Тони.

– Ну тогда тебя там точно не будет. Я тебе больше скажу: такого уroda и в ад не примут!

Это была финальная добивка Эйса, после которой даже Тони не выдержал и в такт со смехом отстучал по столу ладонью.

– Ну и маленький же ты хер... Проржались?

– Ты цитируешь слова Джулии в вашу первую ночь? – пришла моя очередь.

– Ты-то куда, а? Два на два должно быть. Пф... – он махнул на меня рукой.

Теплота и уют быстро заполнили квартиру и наши сердца. Лишь рядом с близкими отступает тревога, и даже самый грустный день становится лучше, чем обычный день без них.

Эйс заказал еды на всех, что предвещало долгий вечер. Через сорок минут курьер уже был на месте. Мы по очереди делились тем, как прошли эти две недели, то перебивая, то грубо комментируя друг друга. Не найдя слов на очередной подкол, пришлось запустить в Эйса куском пиццы, на что он, конечно же, не ответил. Швыряние едой друг в друга приводит к жирным пятнам, а Эйс очень любит свои шмотки. Благо сейчас я попал только в лицо, что для меня было – в яблочко, а для него наилучшим исходом, исключаящим химчистку.

Под столом скопилось полтора десятка банок из-под пива и три бутылки вина, которое пила Алиша, а Эйс чередовал с пивом.

– Бен Аффлек отлично подходит на роль Бэтмена! – притупленный алкоголем, я спорил с Тони и Эйсом.

– У него лицо каменное, он вообще не умеет отыгрывать эмоции! – кричал один.

– И лицо к тому же квадрат, словно его должны проходить на математике в средних классах! – продолжал второй.

– ДАК ОН В КОМИКСАХ И МУЛЬТИКАХ ТАКОЙ И ЕСТЬ! – перекрикивал я обоих.

– Ребят! РЕБЯТ! – ворвалась в спор Алиша. – Ребзя. Меня послушайте. – Ее голос медленно стекал изо рта. – Я вообще с вами поговорить хотела... Мне помощь ваша нужна. Бабушка... Что блин? – ее язык заплетался. – Бабушка мне оставила свою квартиру и вещи. И мне надо сходить разобрать все: книжки там, одежду, технику. Мы обсудили с Эйсом вариант продажи, но сначала надо там все осмотреть. Я так и не была там после похорон и хотела попросить вас всех сходить со мной. Помочь там физически и морально.

– Крошка, да без бэ, ты же знаешь. Любое время дня и ночи. Мы здесь все одна семья... – Тони любил говорить о ценности дружбы по пьяни. Эта особенность больше всего проявлялась на праздниках, где чужому слову нет места встать, потому что Тони толкает тост.

– Давай не начинай, братан, – остановил его Эйс.

– Так что... Завтра надо или как? – поинтересовался я.

– Я готова сказать уверенно – да. Но утром боюсь, пожалею.

– Ну так сейчас не утро, – добавил я.

– А верно! Значит – да, завтра. По времени я напишу, просто ничего не планируйте на вторую половину дня. Или кто-то работает?

– Кто? У нас с Тони ближайшая вахта черт знает когда, а этот бупел не работает, – он махнул на меня.

– Так вы фактически тоже сейчас не работаете!

– Мы обслуживаем оборудование! Не важно, что работы не так много!

– Ребзяя, – вновь остановила нас Алиша.

– Все-все. Да, завтра все будем готовы, – закончил я.

На этой ноте мы решили, что лучше больше не пить, а время перевалило за час ночи. Но после этого загадочным, даже лучше сказать – мистическим образом, непонятно откуда под столом появилась пустая бутылка пряного «Вильям Лоусонс».

5

Хмурое утро. От чего хмурое? Да от решений, которые были необдуманно приняты вечером ранее. А Марго говорила о том, что нет плохого и хорошего. Вот же оно. Вчера было весело и хорошо, а сегодня плохо и... и плохо, по-другому не скажешь. Аспирин от головы, полисорб от токсинов. Что еще? Бутылку пива, как советует Тони? Не. Меня только вывернет. Хотя сейчас я не против. Может, все, что меня травит, выйдет и ясность вернется. Хмурь. Точно. Это не похмелье, это куда более точное понятие. Хму-у-урь. Как дела? Полная хмурь.

Уже час... Вторая половина дня скоро начнется. Стоит уповать на то, что Алиша оклемается позже меня.

С опаской взглянув на телефон – надежды сегодня отлежаться не осталось. Как раз висело уведомление огромными буквами: «ЗАЙДИ В ТУТОЛК, СРОЧНО!!!»

Черт, даже нагоняет страху. Не помню, чтобы Алиша хоть раз писала капслоком. Может, чего случилось? Неужели поджелудочная Эйса разыгралась после пьянки? Пил он безбожно, будто его должны отправить в ссылку в страну, где есть сухой закон.

Не вставая с кровати, я открыл мессенджер. Два непрочитанных сообщения от Алиши. Одно из них – переписка с Местным Жителем. А второе, самое содержательное и говорящее слово, после которого тут же хочется прочесть все, что оно описывает.

«Пиздец».

9:47 – Отис: Алиша, ты здесь? Ты не отвечаешь на звонки.

9:48 – Отис: Алиша, ответь! Пожалуйста!

9:49 – Отис: АЛИША!

9:49 – Отис: Ответь!

10:19 – Отис: Мне очень стремно...

10:20 – Отис: Ответь, как увидишь, это очень важно!

12:05 – Алиша: Привет. Прости, неважно себя чувствую. Что случилось?

12:06 – Отис: Слава богу, ты ответила. Я не знаю, кому еще написать. Вчера что-то произошло. Ты можешь говорить по телефону?

12:07 – Алиша: Никак, у меня голова разрывается. Мы можем попозже увидеться и поговорить. Прости, просто сейчас правда голова раскалывается.

12:08 – Отис: Ладно, хотя бы здесь. Мы вчера с Матье... Следили за директором кафе «Остров». Меня его жена наняла. Думала, что он ей изменяет. Я уже говорил, что иногда делаю грязную работу не для канала. Суть не в этом. Дэнни поймал Матье и, кажется, что-то с ним сделал. Я не могу с ним связаться. Я ходил к нему домой, но родители его тоже не видели. Пришлось соврать, что мы вчера отсняли материал, а после Матье встретил приятелей и ушел с ними. Алиша, мне нужна помощь...

12:25 – Алиша: Капец просто. Выглядит картина стремновато. Короче, дай мне час, я ребятам напишу. Сходим поищем его вместе. До сумерек, пока еще светло.

12:26 – Отис: Спасибо тебе. И ребятам тоже.

12:27 – Алиша: Все будет хорошо, Отис. Не накручивай себя! Скоро увидимся. У северной гавани в 13:30.

Времени было уже 13:10. Ребята будут на месте через двадцать минут. Я бы проскочил на тему, что плохо себя чувствую, но я тут не один такой. Да и тема Отиса явно перебьет мою. Все как всегда не вовремя.

6

– Ладно, постараюсь объяснить. Дэнни в течение дня странно себя вел. Я имею в виду: много телефонных звонков, и по лицу общение было приятным, но он словно скрывался, старался, чтобы его никто не услышал. Когда он вышел на улицу, чтобы уединиться – я пошел за ним. Он, конечно, чуть не спалил меня, но пронесло. Там за кафешкой есть маленький причал. Ну совсем мелкий, раздолбанный такой, среди камней. Я спрятался за камнями, куда он скорее всего не пошел бы, и так вышло, что он как раз говорил по телефону около этого причала, постоянно оглядываясь. Я понял, что он говорит с любовницей, а не с женой. Когда вы много лет в браке, нет такой искры, какого-то флирта и так далее. Темно уже было. Думал, нарою побольше, но тут раздалось странное шелканье, блин... Да я чуть не обосрался. Звуки были словно хищник вышел на охоту. Походу, Дэнни они тоже спугнули. И он быстро закончил разговор и свинтил оттуда, постоянно озираясь. В какой-то момент мне даже показалось, что он меня заметил. Короче, он сказал, что она придет к нему завтра вечером после закрытия. Ну мы с Матье аппаратуру в руки: камеру, микрофон. И сели в кусты. Темно, все равно нифига не видно. Не был уверен, что сможем что-то записать на камеру. Пришла какая-то бабеха: сиськи, жопа, лицо – симпатичная, в общем. А сам-то он мелкий, лысенький, толстенький. Явно не из-за красоты с ним шлындает. Мы ничего годного не засняли, опять же, из-за освещения. Он там все поотключал, только свечи где-то глубоко внутри горели и мелькали силуэты. Ну с такой парашей я не могу к клиенту, а бабки она хорошие обещала. Я попросил Матье как-нибудь прокрасться поближе – там окна как раз недалеко были. И вот он пошел обходить кафе, чтобы найти лучший ракурс для записи. Я остался ждать ближе ко входу. Смснул Матье, узнать, как там дела. Он ответил, что все ок и материал рабочий. И опять этот треск или шелканье, или бог знает что, да так громко! Я дернулся и начал оглядываться по сторонам. Тьма беспросветная, ни хрена не видно. Я так струхнул, что сразу начал писать Матье, чтобы закруглялся. Но не успел я начать, как услышал крики. Дэнни, как мне кажется, то ли услышал тот же шум, то ли Матье как-то испугался и сам выдал себя. Но в общем, его заметили. Он тут же рванул ко входу, и мне пришлось драпать. Я струхнул, и мне очень стыдно. Я был уверен, что Матье сбежит оттуда, тем более этому хрычу все здание надо было оббегать. Темно, хрен знает куда он мог свалить. Я бежал вдоль деревьев, не быстро, пригнувшись, чтобы меня не заметили. Когда наконец выбрался к северной гавани – стал ждать. Ждал, когда Матье выйдет к мосту с материалами. Но через минут пятнадцать начал переживать. Что-то произошло. Может, Дэнни его поймал? В общем, я начал написывать ему. Раньше он всегда был в сети, но на этот раз – «был в сети 25 минут назад». Выбора у меня не оставалось, пришлось вернуться. Звонить ему я не мог: если он прятался, то я бы просто выдал его. Шел я так же, как и уходил, по своим же следам, вдоль воды и деревьев, чтобы меня никто не видел. Важно было вернуть оборудование, оно все-таки не за гроши куплено. Шел украдкой. И с каждым шагом беспокойство становилось все сильнее. Безлунная ночь в кромешной тьме, наедине с самим собой. И опять этот треск. Боже, Алиша, звуки были такие... если бы звук мог снимать с человека скальп куском заточенного льда – это был бы он. Рядом по дороге пронеслась машина. Я подумал, что они решили свалить, когда их спалили. Выйдя на тропу вдоль дороги, которая шла к «Острову», – заметил тачку Дэнни, «BMW» шестой серии. Он как раз завелся и уезжал. Тачка проехала мимо, я пригнулся. Там был только Дэнни. Видимо, перед этим я слышал тачку его бабенки. Через пару минут, когда был уверен, что никого нет, – вышел с фонариком на телефоне и стал искать Матье. Но что у причала за кафешкой, что за скоплением камней, мангальная зона, площадка для детей – короче, я все обошел. Его нигде не было. Полчаса уже прошло, но ничего. И вот в кустах что-то блеснуло. Микрофон. И больше ничего. Ни камеры, ни Матье. Телефон

почти сел. Отчаявшись, выкрикивал его имя, надеясь, что он отзовется. Это все. Я не знаю, что случилось, но мне стремно. Кажется, Дэнни что-то сделал с Матье... Есть мысли?

– Да нет... Что сказать-то? Пошли на место, все осмотрим, – выдавил Тони и оптимистично добавил: – Ну ты не парься. Уверен, все хорошо будет.

Хмурия поразила всех, даже самых стойких. Рука, опираясь на мостовой поручень, могла о многом сказать, а походка – слегка с хромотой – дорисовывала картину. Мы ни живые, ни мертвые. Мы отголоски прошлого. Лишь самое что ни на есть банальное последствие.

Это все какое-то дежавю. Снова пляж, похмелье, Отис... Ветер, колышущий волосы, словно пшеничные поля. И это приятное чувство облегчения от холодной головы. Мое сознание перемещается взад-вперед, взад-вперед. Оно живет отдельно, перемещаясь во времени когда захочет. А я терплю эти выходы, от которых тошнит похлеще, чем от бутылки шотландского виски, запитого дешевым пивом. Мои силы на исходе, и я либо сдамся, либо пойду в наступление.

По дороге мы перекинулись парой фраз, как мы называем – «ни о чем». Разговаривать особо не было желания. Наверное, мы еще не успели раздуплиться, хотя Алиша выглядела пободрее и активно о чем-то говорила с Отисом в первом ряду нашей шеренги.

По пути все те же военные казармы – разукрашенные или изуродованные, кому что больше по душе – покрытые различными граффити, которые из себя обычно представляют какое-то слово или просто набор букв. Это, видимо, какая-то особая фишка граффитчиков (или как их там). Нет таланта рисовать – рисуй буквы.

Загадочным образом все эти здания притягивают мое внимание. Я не интересуюсь архитектурой или, по крайней мере, мне так кажется. Но не могу отрицать: меня манит уродливость облезлых зданий, построенных пятьдесят, сто, двести лет назад или даже больше. Их никто не реставрирует, каждый год планируют, но в нашем городе у чиновников – одни лишь планы.

В очередной раз глядясь в подробный сюрреализм – молодая культура на руинах военной архитектуры – мне показалась странной одна деталь. Ведь я здесь гуляю, можно сказать, частенько. И по памяти могу восстановить каждый барак, КПП и даже заросли вокруг них. Окна на моей памяти всегда были разбиты, но сейчас одного из них просто нет. Дыра в стене, словно ее пробила шар-баба размером с собачью будку.

Я окликнул ребят, которые отделились метров на двадцать.

– Микк, ты чего? – крикнул кто-то из ребят, но я был поглощен изучением отверстия в кирпичной кладке.

Нижняя часть сужалась, как рваный лист бумаги, а трещина у основания уходила под землю. Думаю, так быть не должно, но окно расположено слишком низко. Края, должно быть, растянулись вширь на метр или полтора, а по высоте и того больше. И это точно не мог сделать человек. Когда я просунул голову внутрь и прикинул толщину стен – побольше моей башки – то окончательно убедился, что это все кажется странноватым. Я поймал себя на мысли, что не занимаюсь самоанализом собственной жизни, чтобы, как говорит Марго, повисить ее качество. Но анализировать подобную хрень прям руки чешутся.

Проводя пальцами по выступающим разбитым кирпичам, я испытывал удовольствие, как вдруг почувствовал что-то склизкое. Мерзкое ощущение прошло по затылку легким разрядом, и тошнота, которая на время пропала, вернулась. Слизь, похожая на смесь дерьма со строительным клеем. Рефлекторно я поморщился, но не мог устоять, чтобы не понюхать свои пальцы. Отвращение, которое я должен был испытать, на которое рассчитывал, сменило удивление. Мои пальцы отдавали затхлостью, но, в основном, вчерашней рыбой. Не сушеной, с ее приятным соленым ароматом. А свежей рыбой, которая вот-вот начала тухнуть. И тиной.

Я вздрогнул – кто-то хлопнул меня по плечу.

– Микк, что за дерьмо ты здесь изучаешь, братан? – Эйс говорил успокаивающе-недовольным тоном, который проявлялся лишь в момент интоксикации.

– Не знаю. И вправду дерьмо какое-то... – я перешел дорогу и, пробравшись через ветки-лезвия, спустился к воде, опустил в нее руки и усердно потер пальцы.

Я заметил во взгляде Отиса раздраженность.

– Простите, немного отвлекся, – сказал я, виновато посмотрев на блогера.

– Да ничего, пойдете.

Парень явно нервничал и искал поддержки среди людей, которые были ему не больше чем знакомыми. Почему он позвал именно нас? Его популярность в городе была больше, чем у мэра. По крайней мере, узнавали его гораздо чаще. Некоторые ролики на канале «Местного Жителя» буквально превращались в мемы и темы для обсуждения не только у молодежи, но и поколения постарше. Неужели у него нет близких друзей, которые могли бы помочь? Или это какой-то хитрый ход, чтобы побыть с Алишей? Уверен, наивность Эйса подсказывает ему, что здесь все тип-топ и переживать не из-за чего. Эйси-Эйс, ты без нас совсем пропадешь в мире, полном обмана, интриг и заговоров.

Мне хотелось спросить напрямую, но что-то останавливало. Тревога? Наверное, да. Что-то внутри подсказывало, что это может быть конфликт, который мне дается с трудом. Лучше будет промолчать или на крайний случай в сторонке поговорить об этом с Тони.

Мы остановились перед поворотом на тропу к летнему кафе, которое дорабатывало сезон. Но удивительная безлюдность ввела нас в ступор. Обычно у входа стоит одна-две компании с перекуром между трапезой. Но нас встретили одинокие кустарники и противно скрипящая вывеска над входом, слегка шатающаяся от порывов ветра.

Безмолвно мы подошли к заведению, обнаружив висящую изнутри табличку: «ЗАКРЫТО».

– Я не понял. Они уже закрыли сезон? – недоумевал Тони.

– Нет же. Как минимум месяц должны были еще пахать, погода пока позволяет, – добавила Алиша.

– Это странно. Погодите! У меня есть номер Шона. Он здесь работает. Я ему позвоню, – сообразил Эйс.

Он долго листал адресную книгу в телефоне. В ней явно было контактов на три жизни вперед.

– Здорово, мужик! Че как ты?...

Алиша закатила глаза, телепатически сообщая нам: «Это надолго».

– ... да тоже неплохо. Слушай, мы в «Остров» хотели сходить, ты работаешь сегодня? Нет? Я думал, у тебя пятитдневка до четырех часов? А-а-а... Понятно. А что случилось? Понял. Ну ладно. На связи. Ага. Давай-давай. Пока.

– Ну и? – Алиша в нетерпении ждала ответа.

– Да ничего, дирик дал сегодня всем выходной, причин не назвал.

Все переглянулись между собой, и в глазах каждого можно было заметить мелкую бегущую строку с текстом: «А это что за хрень?».

Чтобы удостовериться, что поблизости никого нет, мы обошли пляж, поднялись на пристройку высотой со второй этаж, где недавно установили детскую площадку. У обрыва метрах в двадцати стояла старая деревянная будка, где летом спасатель в виде подростка с минимальными способностями к плаванию подрабатывал за копеечную зарплату. Мы заглянули и туда. На всякий случай. Эйс и Тони с дальней стороны пляжа подняли скрещенные руки в форме буквы Х. Стало быть – пусто.

– И какой план? – неуверенно проямлил Отис.

Груз молчания лег в центр круга, который мы описывали, пока Тони не взял на себя бремя полководца.

– Так. Во-первых, думаю, надо, чтобы кто-то стоял на стреме, если этот тип решит нагреть. Желательно где-нибудь у барачков, чтобы мы успели спрятаться...

- Давайте я, мне по работе надо отвлекаться, – вызвалась Алиша.
- Так если ты занята будешь – успеешь его заметить?
- Да-да, сейчас тачки почти не ездят, я его услышу, когда он мимо гавани будет ехать.
- На какой машине гоняет Дэнни?
- Темно-синяя «BMW»... Шестая серия.
- Мажор... – Тони фыркнул с ноткой зависти. – Запомнила? – он перевел взгляд на

Алишу.

- Угу.

Она сразу отправилась к наблюдательному пункту.

– Дальше. Получается, во-вторых? Да! Во-вторых, распределим зоны – кто где ищет, чтобы не терять времени зря над одним кустом.

– Я осмотрю тропу и дорогу, – Отис указал на подъезд к ресторану. – Мне кажется, я мог что-то упустить в темноте.

Тони кивнул, после чего Отис тут же сорвался с места, явно стараясь догнать Алишу.

– Я осмотрю черный вход и все, что прилегает к скале с задней стороны здания... – сказал Тони.

- Задания, – хмыкнул я.

В мертвой тишине я слышал кричащие осуждения в глазах друзей. Словно эта шутка готова была отправиться на конкурс за звание «Шутка за пятьдесят, или почему стоит покончить с собой».

- Простите.

– ...так. Стендап-комик. За подобное твоя – вся лицевая сторона. Скамейки, клумбы, кустарники. Кору деревьев тоже не пропусти, – он ухмыльнулся.

Я печально кивнул.

- А я тогда куда? – растерянно спросил Эйс.

– А ты... – Тони не придумал подходящего места для последнего участника. Или вовсе боялся назначать его на ответственный участок, опасаясь, что тот по невнимательности пропустит что-то важное. – ...Ну ты там глянь, тут. Короче, по местности.

- Ты сам вообще понял, что сказал?

Но Тони проигнорировал вопрос друга.

- Все, погнали. Времени мало, через пару часов начнет темнеть.

Тони поднялся по каменным ступеням, вдоль которых иссыхали летние цветы, и скрылся в тыльной части ресторана. Отис энергично ковырялся в придорожных кустах, с которых лениво падали листья. Между нами было порядка ста метров, и периодически завывал ветер, но, клянусь, я мог расслышать, как Отис шипит на колючки, впивающиеся в его пальцы.

Мой лучший друг не придумал ничего лучше, как прицепиться к моей зоне, словно пиявка к червя. Я сам бы так сделал, хоть и люблю одиночество. Но занятие грязной работой идет лучше, когда делать надо в два раза меньше.

– Эйси... – я оглянулся на дорогу, выглядывая блогера. – А ты как вообще относишься к Отису?

– Хороший парень, выпивали несколько раз. Ну, он сам не пил. А так... с ним можно поржать.

– Ну естественно, – я закатил глаза. – Есть хоть один человек в мире, кого ты бы назвал плохим?

- Ну...

– Не отвечай, это риторический вопрос. – Я выдохнул и продолжил мысль. – Тебе не кажется, что у этого «хорошего» парня есть виды на Алишу?

- Виды? Какие виды? – он действительно недоумевал.

- Альпийские! Какие еще!? Ты совсем затупок, что ли?!

– Да что ты несешь?

Я сделал глубокий вдох и выдох.

– Я говорю, что мне кажется, что Отис шары свои подкатывает к Алише. И не говори, что ты меня сейчас не понял!

– Хм... – его взгляд устался на собственные брови, словно он мог их отчетливо разглядеть. – Да нет, он просто общительный. А с Ши они ладили. Я понимаю, о чем ты говоришь, тут не все так просто. Он же не такой, как мы. С первых классов скорешились, позже встретили Тони, Алишу, Джулию. И вроде все так легко и просто, но не у всех так бывает. Я понимаю, что ты к любому новому человеку относишься с опаской и недоверием. Но тебе стоит побольше узнать, прежде чем делать какие-то выводы.

– То есть ты его хорошо знаешь?

– Явно получше, чем ты, братан. – Он по-доброму улыбнулся, а его глаза сияли как два солнышка.

– Ну, окей. Расскажи тогда, может, я и соглашусь.

– Не-ет, чувак, так не работает. За тебя я жизнь не проживу. Ты сам должен его получше узнать. Я же не всегда буду рядом. Заодно сделаешь домашку для психолога. – Эйс ухмыльнулся.

– Иногда мне кажется, что у меня два психолога.

Закрыв тему, мы стали тщательнее ковырять землю, осматривать кусты и да, как приказал Тони, прошлись даже по деревьям, стараясь не покидать свой участок. Все это стало больше походило на бесплатный рабочий день в озеленении города. Вот мы пропалываем землю. Потом избавляем кусты от паразитов. Оцениваем качество древесной коры. В какой-то момент я потерял суть того, что мы здесь делаем. И что вообще ищем?

Но чем дольше я старался что-то найти, тем больше погружался в собственную глубину. Там было светло и тепло, отчего меня посещали мысли, что сойти с ума и остаться там, возможно, лучший исход для моей жизни.

Мои руки скрылись в земле, словно две маленькие головы страуса. По коже поползли муравьи, явно недовольные отсутствием припасов. Кто-то осмелился подняться выше, скрываясь под рукавами моей клетчатой рубашки. И эти смельчаки были героями для своей колонии. Первопроходцы, покорившие тело Гулливера. В области подмышек появился легкий зуд, но я терпел, чтобы случайно никого не придавить. На моем лице сияла улыбка – беззаботная и невинная. Радость мальчишки, который познает этот удивительный мир. И в этот момент он правда казался мне таким.

Я ощутил дрожь, глядя на этого паренька, залитого лучами солнца. Стоял как вкопанный. Словно рука, зарытая в землю, не могла позволить себе пошевелить хотя бы пальцем.

Лишь бы он меня не увидел и этот момент длился вечно.

Из-за спины по его рубашке проскользнули две руки, скрестив ладони в объятиях. С такой нежностью, которую можно лишь увидеть, а не описать. Со всей легкостью и силой они аккуратно приподняли мальчишку и стали трясти. Из-под рубашки посыпались муравьи. На земле остались вмятые отпечатки маленьких ручек. Смех, такой размытый, словно его придумали. Будто кто-то фантазировал о том, как выглядит счастье.

Две линии бледно-розового цвета, словно засахаренные ягоды, упирались в ямочки на щеках. Такие же ямочки, как у меня. Как у этого мальчишки.

Меня выхватил из транса резкий звук, обрушившийся на меня, как скример в фильме ужасов. Я обернулся посмотреть на причину, которая ходила по песку, отстукивая что-то веткой от дерева.

– Эйс, что ты делаешь?

– А? Ну, я подумал, что здесь тоже могут быть улики. Знаешь, нельзя ничего упускать из виду.

Я оглядел тусклый песок, из которого торчали крышки от бутылок, оторванные этикетки, обертки от шоколада. Солома, которую принесли волны бог знает откуда, одиноко торчала из песка вместе с мусором.

– Поддай мне песчинку, – сказал я.

– Чего? Сам возьми, – негодовал Эйс.

– Пожалуйста. Прошу тебя как друга, поддай мне песчинку.

Эйси подозрительно сузил веки, добрых десять секунд выглядывая в моих глазах намерения.

– Окей. На. Держи, – он протянул мне руку с вытянутым указательным пальцем, на подушечке которого грязно прилип влажный песок.

– Смотри. Внимательно... – я прищурившись смотрел в коричневые точки на его пальце. Эйс тоже старательно напряг глаза, пытаясь что-то разглядеть. – ... Это твой мозг, чувак. Тебе бы с ним поосторожнее, а то в следующий раз выпадет – и не найдешь.

Эйси еще пять секунд ошарашенно глядел на палец, пытаясь понять, что произошло, но к моменту прозрения я уже вернулся к своим кустам и не обращал на него внимания, как вдруг услышал крик.

Отис бежал в нашу сторону, размахивая руками.

– ...еде... он едет... ОН ЕДЕТ!

Мы мгновенно нырнули в кусты, заметив за ветвями деревьев темно-синюю, почти черную машину. Не было сомнений – это Дэнни. Когда она остановилась возле нас, сквозь ветки можно было разглядеть такую же лысеющую голову, как эта осень.

Меня отвлек звук, похожий на то, как нога проваливается в залитую дождем грязевую лужу. Но вчера дождя не было, и влажность не такая высокая, чтобы настолько размягчить землю.

Дэнни хлопнул дверью. Мы дрогнули.

– Там Тони! – беспокойно прошептал Эйс.

– Да что ты говоришь? – также беспокойно ответил я.

Дэнни подошел к двери ресторана, но прежде чем открыть замок, оглянулся по сторонам. Мы пригнулись сильнее, но Отис задел колючую ветку и поцарапал руку, не произнеся ни звука. Видимо, результат десятков царапин, заработанных за последний час.

Директор бросил взгляд на кустарник, в котором мы прятались. Я старался не смотреть на него. Мне всегда казалось, что откуда ни смотри пристально на человека, он тебя увидит, если посмотрит в твою сторону. Будто радар, обнаруживающий чужой взгляд. Дэнни медленно подошел к тропе, густо усеянной декоративными кустами. Он был уже близко. Я услышал собственное сердце, которое билось все громче. Возможно, он его слышит? Это оно его притягивает ко мне?

Завыл сильный ветер, поднимая опавшую листву и срывая уже отжившую с деревьев. Дэнни прикрыл рукой глаза, которые атаковали крошечные песчинки. Он подбежал к двери и

неуклюже перебирал ключи, пока не нашел нужный, и наконец скрылся за дверьми ресторана. Гул стих. Меня посетила мысль, что природа сегодня на нашей стороне.

ХЛОП!

Что-то ударило меня по плечу, да так неожиданно, что я поскользнулся на месте и упал на бок, поцарапав о ветки левую щеку.

– Ссссс... – прошипел я на вдохе.

– Черт, прости, я просто хотел напугать, – Тони выглядел виноватым.

– Пошел ты! – я ткнул в него средним пальцем. – Че делать будем?

– Я ничего не нашел, а вы?

– Ничего, – уверенно сказал Эйс, пока я вытирал щеку.

Тони посмотрел на Отиса, но тот лишь отрицательно покачал головой.

– Так. Значит, надо проследить за этим типом. Если он грохнул Матье, то возможно, прячет тело в морозилке.

– Чего?! – слишком взволнованно спросил Отис, после чего мы тут же шикнули на него и выглянули проверить, выдал ли нас этот шум.

– Тихо. Это шутка. Но все же проверить стоит: зачем он закрыл заведение и приехал сюда один?

– По-моему, он не запер дверь. Я могу прокрасться внутрь, мне не впервой, – с сомнением выступил Отис.

– Уверен?

– Уверен, – теперь уже твердо настоял блогер и начал подбираться к окну у входа.

Подглядев в большой зал, он, видимо, не нашел там директора и подал нам знак, что все чисто, сомкнув указательный и большой палец в «Окей». Отис аккуратно приоткрыл дверь и быстро зашел внутрь.

– А нам что делать? – спросил Эйс, но скорее чтобы разбавить тишину, а не для четкого ответа.

– Будем ждать. Мало ли, он его спалит и решит кокнуть как оператора, – Тони либо был точно уверен в одном, либо в другом. Эти шутки и отвлекали, и настораживали одновременно.

– Так, а почему не было сигнала? Повезло, что я услышал его тачку, но вас он мог заметить.

– В самом деле. Сейчас наберу Алишу, – на лице Эйса виднелось небольшое волнение.

Пи-ип...

Пи-ип...

Пи-ип...

Тишина затянулась.

– Да что за хрень, Ши, возьми трубку, – его голос смешал в себе долю раздражения и переживаний.

Гудки оборвались, и с конца трубки раздался неразборчивый голос Алиши.

– Слава богу! Ты в порядке?!

– Нихрена я не в порядке, – сквозь маленькие отверстия прорвался мощный голос девушки Эйса, источающий тревогу.

– Что? Что случилось?

На этот раз мы уже ничего не слышали. Судя по всему, она понизила тон, да к тому же порывистый ветер периодически заглушал нашу слышимость.

– Ты угораеть сейчас? Да. Все. Я понял! Скоро увидимся!

Эйси напрягся, что бывает не часто.

– Да у нее на работе треш, она все это время на телефоне. Про тачку вообще забыла. Я-то, блин, уже надумал себе.

– Все ведь обошлось, верно? – я положил руку ему на плечо и скривил рот в улыбке.

– Да. Ты прав, Микк. Забыли.

Просидев десять минут в засаде, мы стали все больше переживать, что творится внутри. На улице уже темнело. Нам осталось лишь дожидаться Отиса и валить отсюда. Но время тикало, а его все нет.

– Может, сходим посмотрим, что там? – предложил Эйс.

– Давай я гляну в окно, может, увижу чего, – ответил Тони.

Не успел он подойти и на пять метров, как открылась входная дверь. Со страху ему пришлось прыгнуть обратно в грязевую лужу, по которой он только что аккуратно прошел. Плюхнулся Тони знатно – прям новой джинсовкой по дерьму, так сказать. Напрасно, ведь это был всего лишь Отис.

– Скажи, что оно того стоило, – Тони явно смирился со своим фиаско, потому что его голос звучал спокойно, можно сказать, с ноткой принятия.

– Ничего, – Отис забрался в наш овраг. – Я снял задвижки с окна в музыкальном зале, и ветер тут же его выбил с грохотом. Пока Дэнни отвлекся, я прокрался к нему в кабинет. Он удалял видеозаписи со своей бабенкой с камер наблюдения. Видимо, решил перестраховаться после вчерашнего. В любом случае, выглядел он взволнованно.

– Холодильники проверил?

– Тони! – хором возмутились мы с Эйсом.

– Да что?

– Нет, – серьезно ответил Отис. – Но не думаю, что он стал бы так рисковать.

Нарастающий стук каблуков о паркет приближался к двери. Мы затаились. Уже почти стемнело, я с трудом видел ребят, хотя сидел рядом с ними. Беспокойство, что нас заметят, уже прошло, и на любой непонятный звук мы реагировали скорее по привычке.

Дэнни вышел из ресторана, закрыл дверь на ключ и направился к машине. Фонарь у входа в «Остров» отражал глянцевые искры с гладкой кожи на голове ресторатора, стекая на лоб и наконец осветив на долю секунды его умиротворенное лицо.

В чем же дело? По словам Отиса, Дэнни был взволнован. Он сделал, что хотел, и за его проступки не последовало наказания. Именно поэтому он был спокоен? Это не лицо убийцы. Всего лишь жалкая физиономия неверного мужа, который прикрыл свой зад. Но ведь Матье его спалил вчера, почему он не переживает об этом? Я слишком плохо понимаю людей, но некоторые эмоции прочесть несложно. Марго уделила этому отдельное внимание на наших сессиях по социальным взаимодействиям. Нет, я был уверен – он никого не убивал, но точно что-то скрывает.

– Ладно, и нам пора валить. Ничего мы здесь больше не найдем, особенно в такой темноте, – заключил Тони. – Микк, посвети-ка на меня. Хочу посмотреть на масштаб дерьма, в которое я угодил.

Я включил фонарик на телефоне и направил на джинсовку. Это не было похоже на грязь. Странная слизь покрывала куртку, будто ее окунули в чан густых соплей.

Дрожь пробежала по затылку. Так же, как Человек-паук чувствует угрозу.

– Фу, блять. Что это?! – Тони оттянул ворот от шеи, с отвращением снимая куртку.

Я протянул свободную руку и впился пальцами в холодную жижу, плотно осевшую на ткани.

На этот раз разряд прошелся по всему телу. Я ощутил каждый волосок, который стремился вытянуться дыбом.

Все это время мы сидели не в грязи. Пройдя фонариком под ногами и всему, что попало в мой обзор, – то тут, то там капли странной жидкости отражали свет. Я встал и пошел по следу, который уводил нас от пляжа в сторону дороги.

7

Мы встретили Алишу недалеко от заброшенных бараков. Луч света от ее телефона обжег глаза, словно дальний свет фар на шоссе посреди глубокой осенней ночи.

– Наконец-то! Простите, ребят, мне там все мозги вынесли, и я... Ну, проебалась, другому не скажешь.

– Ши! – возмутился Эйс.

Девушка в ответ похлопала себя по губам.

– Пронесло в итоге? Он вас не поймал?

– Парень был на волоске, – Тони кивнул в сторону Отиса. – Но, да, пронесло.

– Жесть, в чем это ты? Выглядит, будто дерьмо поместили в желе, – ее лицо скривилось в отвращении.

– Пусть Микк скажет, а то я так и не понял, что происходит.

Я оглядел ребят и сделал глубокий вдох.

– Так... – я чувствовал волнение, словно выступал с каким-то докладом. – Эм... В общем...

– Не мямли, братан. Все свои, – я не видел лица Эйси, но чувствовал его ободряющий взгляд.

– ...помните, я остановился у бараков, когда мы шли на пляж?

– Это когда у тебя была неловкая интимная близость с разрухой, которой сто лет? – подшутил Тони.

– И ты водил пальцами по ее черному входу, а потом в спешке побежал отмывать подозрительные выделения? – Эйс ткнул в плечо Тони, и они оба заржали. Писклявый смех Тони заставлял улыбаться остальных, даже если шутка им не зашла.

– Да-да. Именно так. – Я ткнул пальцем на отверстие в стене, которое подметил ранее. – Там было окно. Еще недели две назад. Я точно уверен в этом. А сейчас там просто дыра в стене. Эта хрень, в которую упал Тони, – та же самая хрень на обломках в этом проходе.

Ребята томно молчали, после чего Отис оборвал тишину.

– Ну и... Что в этом такого? Какая-то грязь в зарослях – и все.

Мне не понравилось его сомнение, хоть я понимал, что говорю непонятные вещи.

– Это похоже на грязь? – я немного завелся. – Это странная жижа, которая хрен знает откуда взялась. И мне кажется, это не просто так!

– Ладно, тихо. Еще посритесь тут, – Тони явно заметил агрессию в моем тоне. – Микк. Я правильно понял, ты это как-то связываешь с исчезновением Матъе?

В эту секунду я понял, что забыл цель нашего визита на пляж, меня больше интересовала диковинная находка.

– Не знаю, – мой голос звучал крайне неуверенно.

Тони выдохнул.

– Окей. Давайте глянем что там.

– Сейчас?! Ты хочешь в этой темноте шарить по заброшенному военному барaku? – Эйс выглядел испуганным.

– Если боишься, то можешь остаться здесь. Мы ничего не нашли на пляже и даже в рестике. Я знаю, что у Микка чуйка на странную фигню. Глянем внутри и, если ничего не найдем, то свалим.

Эйс переметнулся с ноги на ногу. Его беспокойство – это не детские страхи темных помещений. Была вероятность наткнуться на кого-нибудь внутри. Такие развалины часто служили местом ночевки для бездомных или кого похуже. Попасться им в таких условиях и правда

могло быть весьма опасным, особенно если там кто-то обдолбанный или того хуже. И мы не знали, чего можно ждать от такой встречи.

Тони в последний раз посмотрел мне в глаза, пытаюсь в них что-то прочесть. Не знаю, нашел ли он то, что искал, но сразу после этого друг уверенно пролез в темное отверстие.

– Ши, может, останешься тут с Отисом? – спросил Эйс.

Девушка ответила агрессивным молчанием.

Эйси пожал плечами и последовал за Тони, аккуратно цепляясь за кирпичные выступы, покрытые странной слизью.

Алиша с Отисом стояли в стороне, не решаясь сделать шаг.

– Все будет хорошо. Нас пять человек, Ши. И без твоей способности находить ненаходимое мы не справимся...

Я не хотел давить на нее, но фильмы ужасов дали нам важный жизненный урок: когда происходит что-то непонятное – не разделяйся. На фоне загадочных исчезновений в последнее время мне было неспокойно. Вдруг это место – дом какого-то маньяка? Или, может, он обитает где-то в окрестностях... Нельзя оставлять никого позади.

Алиша посмотрела на меня, перевела взгляд на поглощающую тьму, пропитанную чем-то зловещим...

– Окей, Сокол, – недовольно произнесла она.

Ши полезла внутрь. Я пошел вслед за ней. Последним залез Отис.

8

Жутковато, но, честно говоря, страха я не испытывал. Нас тут слишком много, чтобы переживать, что кто-нибудь решит на нас напасть. Главное – быть наготове и не дать застать себя врасплох.

Приходилось светить фонариком себе под ноги, чтобы не споткнуться. Пол усеян раскрошенным кирпичом желто-коричневого оттенка. Наверное, такой цвет назвали кирпичным, потому что больше он нигде не встречается. Вперемешку с ним попадались древесные опилки, битое стекло. Кучи старой мебели в плачевном состоянии. Стулья-инвалиды валялись в стороне от своих конечностей, словно кто-то намеренно вырвал из них ножки. В небольшом закутке мы нашли диван, усыпанный пылью, из которого угрожающе торчали пружины.

Сложно понять, какую задачу выполняло конкретное помещение, ведь у некоторых даже не было стен. Как такое могло произойти? Я не уверен, что это здание бомбили, иначе от крыши бы ничего не осталось. Местами и правда потолок провисал над нами, но, опять же, ощущение, что здание просто не выдерживало натиска прибрежного ветра, сильных ливней и зимних морозов.

Периодически эхом разносился чей-то кашель. Тяжелая пыль невесомо парила в воздухе, проникая в наши легкие. Напряженная тишина позволяла сконцентрироваться на поисках. Все молчали, понимая, что сначала нужно осмотреться. Исследователи мы этим вечером или чьи-то гости? Чем дальше мы заходили, тем больше разыгрывалось воображение. Если никого не было в тех комнатах (если их еще можно так называть), то казалось, что вероятность кого-то встретить в следующих возрастала.

Тони, как наш лидер, шел впереди всех и старался ничего не выпускать из виду. Эйси брел за ним, но больше где-то в стороне. Наверное, хотел первым на что-то наткнуться и крикнуть, словно в кино: «Эй, все сюда! Я кое-что нашел!». Ближе к своему парню держалась Алиша, а Отис шел в паре метров от меня.

– Я бывал в подобных развалинах, когда снимал материал для канала. Не вижу здесь ничего особенного. Возможно, стоит поискать еще, не знаю... – Отис выглядел скованно.

На часах девятый час. Не слишком поздно, но уверен, никто не хотел проводить здесь и лишней минуты. Мне было невдомек, что здесь слишком много всего, но при этом пусто. Нет ничего, что могло бы зацепить мое внимание дольше пяти секунд. А что я вообще хотел здесь найти? Я бреду по закоулкам своего воображения, которое меня подводит.

Тони остановился и тщательно осветил лестницу на второй этаж, от которой мало что осталось.

– Наверх лезть опасно. Да и вряд ли кто-то стал бы так рисковать.

– Мне вообще кажется, что эта хреновина в любой момент обвалится, – как только Эйс сказал это, сильный порыв ветра ударил о стены здания. Потолок завибрировал, осыпая нас цементной крошкой.

– Да какого черта?! – Ши вышла из себя. – Теперь все это у меня в волосах!

Можно уверенно сказать, что теперь дерьмовый вид Тони не сильно отличался от нашего, учитывая, что вся пыль налипла поверх слизи на его одежде.

– Просто класс... Может, уже свалим отсюда? – Эйси недовольно осматривал свой черный худи оверсайз, который недавно купил в брендовом магазине. – Здесь ровным счетом ничего нет, а мы тупо засрали свои шмотки.

– Поддерживаю, – кивнула Ши.

Скорее всего – это тупик. Здесь мы больше ничего не найдем. Так странно, мое чутье подвело меня? Нет, мне было обиднее от того, как в него верит Тони, но на этот раз я просто облажался и, видимо, испортил всем настроение.

Я поглядел на Отиса. Он выглядел потерянно. Наверное, он тоже хотел здесь что-то найти. Все же я слишком недооцениваю его чувства. Он потерял друга, а я играюсь в детектива...

– Да, ребят. Простите, похоже, здесь и правда ничего нет.

Ши посветила на меня фонариком. Я не видел ее лица, но в какой-то момент мне показалось, что она слишком долго меня разглядывает. Глаза от света начали болеть, и я вытянул ладонь, чтобы свет не бил мне в лицо.

– Ты чего? – спросил я.

– Да просто... мне кажется... там что-то блестит...

Алиша медленно перебирала ногами, стараясь не споткнуться, но не отводила взгляда от чего-то в глубине.

За моей спиной цельная стена, исписанная халтурными росписями начинающих граффитчиков. Дальний конец резко прерывался, образуя проход, который когда-то прикрывала дверь. Но сейчас на этом месте была вытянутая прямоугольная тьма. Она зывала. Впятером мы таранились на нее, ожидая, что сейчас что-то покажется. Мурашки пробежали по моему телу. Я почувствовал желание вылезти наружу и бежать что есть мочи в какой-нибудь магазин, бар или еще куда, где куча людей и нет этой сводящей с ума тишины.

Тони медленно начал подходить ближе, но Ши опередила его. Ей хватило смелости приблизиться к проему и посмотреть, что было источником этого блеска.

– Микк. Скажи, вы это видели на пляже?

Настал мой черед, и мы на пару с Тони нагнали Алишу. Внутренняя часть косяка была усеяна той же слизью, что я заметил на кладке у входа.

– Да. Это то же самое, в чем я извалял свою куртку, – ответил Тони.

С минуту мы осматривали находку, а после Алиша направила фонарик вглубь коридора, который также заворачивал куда-то еще. Вытянутые стены по бокам не подвергались нашествиям стихии. Эта часть здания была куда прочнее.

– Смотрите! Там еще... – Ши указала пальцем на участок в двух метрах от нас.

Две ступеньки под ногами оказались сюрпризом, и я чуть не рухнул, сделав шаг вперед, но меня вовремя подхватил мой друг.

– Осторожно. Не вывернул?

Я оперся всей ступней на пол и позволил собственному весу испытать ногу.

– Все в порядке.

Мы прошли по узкому коридору и завернули за угол. Периодически нам встречались отблески жидкости на стенах. Их совсем немного, но они бросаются в глаза на фоне серых или кирпичных тонов. Мы продолжали аккуратно, но уверенно идти вперед. Казалось, эти следы здесь неспроста, они указывают нам путь.

Эйси с Отисом шли позади, чуть отставая. Вели беседу, как я называю, – ни о чем. Думаю, я разделяю их чувства. Не хотелось вырваться вперед, но интерес вел меня своей манящей рукой.

Еще один поворот. Хорошо, что здесь нет развилок, иначе этот путь превратился бы в лабиринт, из которого будет сложно выбраться.

Под ногами хрустело стекло от лампочек. Среди этих звуков я четко слышал биение своего сердца. Тахикардия снабжала мое волнение. И запах... здесь пахло тинной и йодом.

Очередной поворот, но за ним полноценная комната. Несколько одинаково вытянутых перегородок добрались аж до потолка, а между ними столы и стулья. Подобие закутка типичного офисного работяги.

– Похоже на какой-то центр связи, – подметил Тони.

– Жутковато. Я не думала, что это здание такое большое внутри.

– Видимо, специфическая военная архитектура, чтобы расположить в одном здании разные пункты, – голос Отиса казался чем-то новым, ведь он почти все время молчал. – Такое часто практиковалось.

Наша компания разбрелась по помещению, освещая каждый уголок своими фонариками.

– Мы уже слишком стары, чтобы шарить по заброшкам, – недовольно и, кажется, слегка дрожащим голосом сказал Эйс.

– Мне тоже здесь стремно, – поддержал я.

– Мы даже не знаем, что тут ищем. Неужели кто-то думает, что здесь замурован Матье?

– А я думала, что я самая трусливая, – упрекнула Алиша.

– Ши...

– Эйс. Мы слишком далеко зашли, чтобы просто уйти отсюда. Тони повелся на чуйку Микка, но сейчас и я поняла. Мне тоже кажется, что здесь что-то есть.

Эйси успокоился. По крайней мере, так казалось. Его недовольство легко можно было прочесть на лице, но высказывать свои опасения он перестал.

Обойдя все рабочие закутки, мы прошли к дальней части комнаты, которая расходилась в две разные стороны.

Здесь было заметно чище. Похоже, сюда особо никто не заглядывал. Может, им тоже было страшно ходить так глубоко по темным коридорам?

– Я с Ши и Тони – налево, Отис с Миккелем – направо. Все согласны? – неожиданно предложил Эйс.

– Обиделся за то, что я вас сюда притащил? – мой тон мог показаться более серьезным, чем я хотел изобразить.

– А чего, боишься?

– Явно не так сильно, как ты.

– Что ты хочешь сказать? Что мне страшно? Да! Так и есть! Ты посмотри, где мы! И я без понятия, на кой хер мы вообще сюда приперлись. Уверен, Матье уже дома, целый и невредимый, а мы тут на нервах своих играем, как на гитаре!

– Ну так иди на улицу, подыши воздухом и успокойся! Тебя насильно тут не держат! – я развернулся и пошел в проход по правую сторону.

– Эй, Микк! Какого хера... – прокричал вдогонку Тони. – Отис, иди вместе с ним!

Не знаю, почему в меня ударила злость, и я подыграл на трении Эйса. Уверен, все мы испытали больше эмоций сегодня, чем хотелось. Я просто устал от этого нытья и захотелось его ткнуть в это. И да, через минуту я уже почувствовал вину за это, тем более что все и правда по моей инициативе. Тони поддержал меня, потому что видел, что мне это нужно. Мне хочется быть лидером, но я не умею вести за собой. Впрочем, сейчас я, видимо, этим и занимаюсь – веду за собой Отиса, который принял план Эйса по разделению.

– Ты в порядке?

– Да. Просто... ничего.

– Я тоже думал, что это глупая идея. Мне казалось, что ты хочешь самоутвердиться, что ли. Но утром я был совершенно потерян, можно сказать, разбит. Я думал, что произошло что-то ужасное, мы придем сюда и найдем этому доказательства. Но в итоге я даже отвлекся. Наверное, страх того, что здание вот-вот рухнет, пробуждает опасения за то, что произойдет сейчас, а не произошло вчера. В любом случае, когда мы найдем Матье – это место будет отличным контентом для нового видео.

– Ты, кстати, может, наберешь Матье? Вдруг он и вправду вернулся, а мы его ищем.

Отис поводил пальцами по экрану телефона, но быстро вернул его в спящий режим.

– Связи нет. Ни сотовой, ни интернета. Видимо, стены глушат.

– А в рубке они как тогда базарили?

– Телефоническая линия связи. Они не друзьям звонили, чтобы поболтать, а донесения передавали. Специальные кабели проходят к линии электропередач и соединяют с другими связистами.

– Давай без уроков, хорошо? Я это больше риторически спросил.

– Просто хотел разбавить атмосферу... Миккель?

– Чего?

– У тебя есть предположение, что мы ищем? Я имею в виду, мы ищем Матье, но складывается ощущение, что мы ушли от его поисков и только теряем время.

– Сказать честно?

– Само собой.

Я остановился и протер лицо руками от осевшей пыли. Мне захотелось глубоко вдохнуть, но почти сразу из меня вырвался кашель, который разлетелся звонким эхом по коридору.

– Я не знаю, что мы ищем, Отис, – виновато выдавил я. – Сначала казалось, что это все может быть связано. Странное совпадение. Я люблю расследования и, как любой уважающий себя главный герой детективного романа, не верю в совпадения. Ты захочешь меня ударить, но когда мы зашли так глубоко в эти развалины, я начал думать, что ничего здесь нет, но все равно шел дальше.

Отис смотрел будто сквозь меня. Повсюду витала абразивная пыль. Наши фонарики светили на туловища друг друга, чтобы не слепить глаза. В отголоске света на лице Отиса можно было разглядеть смешанную отстраненность и отчаяние. Мои слова привели его сюда, и они завели его в тупик. Нас обоих.

– Я не верил в это с самого начала. Врезать тебе? Да скорее я сам себе должен дать по роже, за то что бросил его тогда. Мне не в чем тебя винить. Просто я не знаю, что мне делать...

У меня не было ответа. Наверное, мы оба чувствовали себя потерянными.

По темному коридору раздался треск. Не от просадки старого здания, а скорее что-то механическое. Напоминал звуки работающего оборудования в цеху по обработке металла, но звуки более мягкие, плавные. Будто живые. Мне не сравнить их с животным, но, возможно, очень похоже, как крабы стучат своими клешнями.

Мне стало жутко. В такой мертвой тишине любой шум мог выбить из колеи. Подозревая, что где-то здесь может быть Матье, моя тревожность усилилась, а чуйка, которую выделил Тони, потихоньку начала поднимать тон.

Шум доносился откуда-то спереди, вырываясь сквозь мрак, до которого не доставал фонарик на телефоне.

Узкий проход усыпан треснувшей штукатуркой, толстым слоем пыли и слизью, встречающейся время от времени. Она мерзко блестела от света. Черная, вязкая смоль покрывала стены и пол, выделяясь на фоне мусора и обломков.

Я чувствовал себя блогером, который забирается в заброшки где-нибудь в Чернобыле ради контента. Нужны стальные яйца, чтобы залезть в заброшенный морг или больницу. Аж мурашки прошлись по телу.

А я не лучше. Только ведет меня не острое желание помочь, а поиск чего-то нового. Необычного.

– Что это было? – насторожился Отис.

– Похоже, где-то провисла балка или что-то вроде того, – мне казалось, это логичный вариант.

Коридор тянулся дальше, пока перед нами не образовался проход. Мы зашли в небольшое помещение, размером с овощную лавку. Здесь нет ни мебели, ни перегородок. Пустая комната. Даже прохода дальше нет.

Из потолка свисает одинокая лампочка без плафона. С виду хорошо сохранилась (на удивление). На стене справа от входа был выключатель, и, конечно, стоило его испытать.

Свет не зажегся, но рубильник издал шум, и достаточно громкий, для такого маленького выключателя.

Мы посмотрели с Отисом друг на друга и даже хмыкнули.

Послышался треск. Но ни на что не похожий. Будто живой.

Резкий звук пробился рывками из темноты, насторожив нас обоих.

– Это кто-то из ребят? – вполголоса спросил Отис.

– Я хотел бы сказать да, но шум раздался оттуда...

Мгновение мы молчали, скованно глядя на противоположную стену. Мне показалось, что я даже ощутил какие-то вибрации в полу.

Вновь повторился ритмичный звук клацанья.словно из подпола.

– Громче?

– Да, источник стал ближе.

– Но мы же не двигались! – громким шепотом Отис не мог скрыть волнения. – Откуда?!

Мне показалось... Нет... Но как?

Я направил фонарь вниз, присел и провел ладонью по полу. Все было забетонировано, кроме участка около дальней стены. Я почувствовал шершавую ржавчину вперемешку с осевшими горками пыли и... слизь. Мерзкая слизь, которая привела нас сюда. Мне удалось подцепить ногтями один из краев и приподнять задвижку.

– Это плохая идея... – тревожность словно река пролилась из уст Отиса.

Он выглянул из-за моего плеча и осветил в открытый люк. Я поддержал еще одним лучом света.

Мурашки пошли по телу. Всепоглощающий мрак, способный проглотить любое проникновение света извне, словно черная дыра.

В лицо ударил смрад гнилого мяса, словно в этот люк сбрасывали отходы.

Треск. Все громче.

Каждый звук обрушивался на перепонки, словно внутри головы ритмично отбивал барабан. У меня пересохло в горле. Ноги не слушались. Внутренний голос кричал: «Вали оттуда!». Но тело не повиновалось.

Затрепало словно у меня перед носом, так громко и пугающе, что я оцепенел. Мне хотелось отвести луч света и не видеть, что на меня надвигалось.

Оно здесь. Прячется за черной пеленой слоем не толще трех метров.

В один момент стало так тихо, что я мог услышать течение крови по венам. Где-то внизу слышались склизкие звуки, как если пропускать слюну сквозь зубы. Там мог ползти огромный слизень. Да просто гигантский. Я чувствовал, что крышка люка, в которую я уперся рукой, ритмично дрожит. Все сильнее и сильнее. А признаки чего-то живого стали абсолютно реальными.

– Микк, – шепнул Отис. – Давай уйдем отсюда. – Мне было стремно, но его голос пропитал сам ужас.

Я светил вглубь тоннеля. Старая лестница ожила. Теперь я ощутил то, что было в голосе у моего друга. Из темноты мне привиделось движение. Что-то тянулось вверх и блеснуло от света фонаря. Я не разобрал, что это, но мне было безумно интересно. Я не шелохнулся, готовясь к кульминации.

Треск ударной волной накрыл нас, от чего мое тело онемело, а волосы на голове тянулись ввысь. Словно броня дикобраза, они шипами встали на защиту.

Мощный удар обрушился мне на плечо. Ворот рубашки тянул назад. Я не успел сообразить, что произошло, а когда очнулся, ошарашенный Отис кричал:

– Валим отсюда нахрен!

Сознание вернулось ко мне. Ощущение, будто меня выдернули из воды, когда оставалась лишь одна секунда, чтобы утонуть.

Мы огибали поворот за поворотом. Ноги, которые минуту назад не хотели работать, несли меня все дальше от люка.

Отис старался удержать свет фонаря перед собой, чтобы не дай бог не споткнуться, а мой беспорядочно мелькал на стенах.

Странное щелканье доносилось до нас, как бы далеко мы ни убежали, но источник звука явно преследовал нас.

– Я помню этот косяк, – еле понятно раздался голос Отиса. – Мы у развилки, надо звать ребят!

– Точно! Надо свернуть в другой проход!

– Ты псих? Вдруг там тоже тупик?!

– Предлагаешь их бросить?! – рявкнул я.

Ответа не последовало.

Выбежав в связной центр, мы остановились, чтобы набрать грязного воздуха в легкие, от которого першило в горле.

Треск послышался где-то далеко из глубины мрака позади нас. Тихий.

– Надо идти к ребятам! – запыхаясь, произнес я и сделал было шаг, как на меня из темноты вырвался чей-то силуэт.

Я уже поднимал руку, чтобы осветить Тони, Эйса или Алишу. Но не успела моя рука согнуться в локте, как я ощутил пронзительную боль в затылке. Искры разрезали темноту, которая через мгновение поглотила меня.

9

Я лечу? Чувствую, как мои руки рассекают ветер. Очень приятно. Но почему перед глазами темный занавес? Мои глаза закрыты, и тяжесть век не позволит мне их разомкнуть. Но я лечу...

Ветер все сильнее врезается мне в спину, отталкивая руки и ноги. Я представляю себе голубое небо, усеянное облаками из сахарной ваты. Мне хочется протянуть руку и оторвать кусок, смять его в кулаке, пока весь сахар не уплотнится, и засунуть себе в рот, позволяя нагретой телом слюне его растопить.

Нарастающий звон смог заглушить мое сердцебиение.

И вдруг – я тону. Веки разомкнулись. В небе и правда были сахарные облака, но до них невозможно было дотянуться. Их образ размывался, тускнел, пока вовсе не исчез.

Вода набросила оковы на мои конечности, затягивая в небытие.

Звук, похожий на клацающие клешни краба, но более мелодичный. Он окружал меня со всех сторон. Звук приходил издалека и словно был у меня в голове одновременно.

– Миккель! – кто-то кричал мое имя заглушенным голосом.

Я вытянул руку. Мне казалось, кто-то схватится за мое запястье и вытащит мое тонущее тело.

Я увидел ее. На том же месте, где был когда-то маленький Миккель. Она тянет руку, но не может ухватиться.

Пожалуйста...

Помоги...

Мама...

– Миккель...! – вновь кто-то звал меня. Недалеко, не близко.

– Ми-икк...! – громче и грубее.

– МИККЕЛЬ!

Тьма растворилась, и ей на смену пришел яркий свет, обжигающий сетчатку глаз, а по лицу прокатилась волна жгучей боли.

– Слава богу! – взволнованно сказала Алиша, держа руку наготове, чтобы дать еще одну пощечину.

– Чувак! Что случилось?! – Эйс был крайне встревожен.

Ребята стояли в кругу, а я был его центром. Распластанный на холодном бетоне. Попытка сдвинуть тело активировала резкую боль в голове, из-за чего меня повело. Я чуть не упал полулежа, но Тони с Эйсом быстро подхватили меня за плечи. Мушки мелькали перед глазами. Все вокруг несло в сторону, словно карусель.

– Чел, ты как? – я чувствовал испуг и жалость в подергивающемся голосе Эйси.

Я разомкнул губы, чтобы ответить, но мысль еще не пришла мне в голову. Из меня вырвался поток рвоты прямо на штаны. Но мне было все равно.

– Как отпаренное дерьмо.

– Что? – переспросил Эйс.

– Отпаренное дерьмо. Дерьмо, которое засунули в парилку и оно размякло.

– Поднимай его!

Не отводя взгляда от темноты, в которой скрывался источник странного звука, Тони подхватил меня и рывком поставил на ноги. Эйс завел мою руку себе за голову, и мы побежали со всех сил к выходу.

С каждым поворотом звук становился все тише и тише, пока вовсе не пропал.

Я старался перебирать ногами выше нужного, чтобы не дай бог не запнуться. Мы вернулись на КПП. Воздух здесь был чище, и порывы ветра, бьющиеся о шаткие стены здания, слегка успокаивали.

Меня поднесли к двери у разбитого проема. Тони дернул за ручку, но она не поддалась.

– Блять! – выругался он.

– Я вылезу через дырку в стене.

– У тебя все равно нет вариантов.

Ши пролезла первой, а за ней ее парень. Тони придерживал меня сзади. Эйс держал меня за руки, Алиша тоже помогала.

Оказавшись на улице, ноги подкосились, и я угодил в лужу. Я не сразу сообразил, что идет дождь.

Наконец выбрался Тони, и ребята потащили меня дальше, периодически оглядываясь на разрушенное окно, тьма из которого в ответ глядела на них.

– Надо обо всем рассказать полиции, – сказал Тони.

10

Казалось, с того вечера прошло несколько дней, которые я провел на больничной койке. Но на самом деле еще не прошло и суток. Врачи сказали, что я удивительно быстро иду на поправку и скоро меня выпишут. Это прямо чудо какое-то – в первый же день услышать такое.

На самом деле радости мне это сильно не дало. Тот день никак не мог выйти у меня из головы. Это жуткое трещание снилось мне по ночам. Этот люк. Из него что-то тянулось ко мне. И пропажа Отиса... Неужели там реально был маньяк, который выжидал момента, когда мы разделимся?

Исчезновения в последние дни не сильно заботили меня до того момента, когда напрямую коснулись нас.

– Ну что, не помер? – Эйси был в приподнятом настроении, заходя ко мне в палату.

Я быстро отвлекся от мыслей и улыбнулся слегка натянутой улыбкой.

– А ты рассчитывал на мое наследство?

– Ты вписал меня в завещание?

– Конечно. А завещаю я тебе – потерять девственность.

– Так я уже.

– С Алишей не считается.

– С чего бы?

– Тут явно без шантажа не обошлось. Наверное, она просто хотела заткнуть тебя хоть на минуту.

– Ну ты меня недооцениваешь. На две!

– У-у... Да ты хорош.

Солнечные лучи пробивались сквозь прозрачные шторы и слепили глаза. На мгновение я вспомнил, что произошло вчера, и мурашки легкой походкой прошлись по коже.

– Ну... а если серьезно. Как ты?

– Да в порядке. Легкое сотрясение. Благо рассечение не сильное. Похожу несколько дней на перевязки – и как новенький.

Эйс виновато опустил взгляд. Я заранее прочел, что он хочет сказать, и опередил его.

– Себя винишь?

– А не должен? – Эйс присел на свободную кушетку. – Я разозлился. Честно. Знаешь почему? Из-за сраных шмоток. Я, блин, худи свое испачкал и...

– И пофиг, мужик. Вспылил и все, я сам не лучше. Первый ушел, а ведь понимал, что нельзя разделяться...

– Ага. Хорроры ничему нас не научили. Ей-богу, мы реально словно оказались в каком-то фильме. – Он протянул мне раскрытую ладонь. – Мир?

– Тебе что, семь? Иди сюда. – Я распахнул руки.

Эйс стремительно подошел, и мы по-девчачьи сжали друг друга в объятиях.

– Рад, что все обошлось, мужик... – Он выдержал томную паузу и продолжил. – Отиса не нашли. Матье тоже. Ходили в полицию, но они задавали такие вопросы, словно подозревали нас. Сказали, что снимут показания с камер. Не знал, но вдоль Смоляного мыса их штук пятнадцать.

– Ну тогда точно должны что-то найти.

– Ага, только когда? Ты ж знаешь, как они работают. Только малолеток с пивом гоняют, да в «Угле» нахрючиваются.

– Никогда туда не ходил, да и не собираюсь. А ребята как?

– Тони в норме, а вот Ши... в общем, эта история ударила по ее паничкам. Вечером пила таблетки, чтобы прийти в себя. Правда, от этих таблеток тоже ощущение так себе. Слабость, сонливость.

– Отстой, мужик. Надеюсь, это ненадолго.

– Даже после смерти бабушки она чувствовала себя лучше. Кстати, об этом. Помнишь, она хотела нас всех собрать? Помочь разобрать вещи бабушки.

– Ну.

– У тебя как, силы есть? Завтра вечером пойдем на квартиру.

– Мы же не пианино таскать будем. Да, силы есть. Мне повезло, скорее всего вечером или завтра утром уже отпустят. Кстати, она что-то нашла?

– Походу, только пока даже мне не показывала.

– А тебе лишь бы первым все увидеть, да? – раздался женский голос.

Дверь в палату приоткрылась, и из-за нее показалась Алиша и Джулия.

– Божечки-кошечки... – Джул ринулась ко мне. – Как же так? Что за черт это сделал?!

– И я бы хотел знать...

Она часто пропадает из-за новой работы помощника юриста, но смогла выкроить время и проведать меня. Джулия любила менять прически и на этот раз показала свой новый образ. Ровный хвост цвета янтаря свисал до лопаток, впитывая солнечные лучи, а короткая челка и два локона по бокам обрамляли ее смуглое лицо.

– А где Тони?

– Так Эйси не сказал? – Джул удивленно посмотрела на него, растекшегося на соседней кушетке. – Он в участке. После вчерашнего его снова вызвали на допрос. Родители этого паренька, как его... снимал который...

– Матье, – подсказала Ши.

– Да, вот он. Его родители, видимо, какие-то бизнесмены, держат джазовый клуб. Взбаламутили всех и вся. Теперь полиция докапывается до моего Крепыша.

– Только до него?

– Да, он же вызвался заявление писать и выступал там перед ними, описывая в красках, что произошло.

– Не нравится мне все это... – задумчиво ответил я.

– Мне тоже, – добавила Ши.

– И мне, – произнес Эйс.

– Тебе там комфортно, может, утку поменять? – Алиша дернула его за плечо, сгоняя с кровати.

– Я вытащила запись с карты памяти. – Она достала из рюкзака на спине ноутбук и поставила его на прикроватной тумбочке. – Есть тревожные звоночки. Смотрите.

Тишина, покрытая ночью, сгушалась вокруг небольшого ресторанчика на берегу Нерейского залива, за которым следил Отис вместе со своим оператором. Когда Дэнни приглушил свет и зажег свечи, в глазах блогера загорелся другой огонь.

– Что-нибудь видно? – спросил Отис.

– Только тени, – ответил голос за кадром.

– Матье, ударения...

– Не придирайся.

– Уже лучше, – рука Отиса потянулась к Матье, видимо, потеряв его по плечу.

Следующую минуту камера тряслась, по большей части снимая черные кеды оператора, пока он не устроился в задней части «Острова». Медленно картинка поднималась вверх по стене. Показалось окно, но происходящее внутри все равно было скрыто. Не самый лучший угол – в кадр попала только лысая голова Дэнни, но зато можно было разобрать голоса.

– ...Мне дали добро на выставку в Эрмитаже. Скромную, конечно, но, как я поняла, почти всем отказали, – приятный женский голос не мог скрыть радость.

– Рэне, это просто чудесно! А помнишь, я говорил, что у тебя все получится? А ты спорила, – Дэнни казался самым простым и счастливым человеком за ужином со своей любимой.

– Ну это просто небольшая выставка, городок-то у нас маленький.

– Начинать с чего-то надо. Это только первый шаг! Уверен, все пройдет отлично. Когда, кстати, можно будет заглянуть, чтобы полюбоваться произведением искусства?

– Последняя неделя сентября. Но я там буду не все дни. Мне выделяют парочку, может, три. Пока еще не знаю точных дат.

– Я непременно приду посмотреть. А может, получится договориться с автором и забрать что-нибудь домой?

– Может и получится... а может, даже и сегодня...

Диалог плавно перешел во флирт. Дэнни играючи поглядывал на свою собеседницу, которую все еще было плохо видно. Матье приподнял камеру чуть повыше и поднес ближе к окну. Такой неудобный ракурс подсказывал, что оператор сидел на корточках, чтобы оставаться незамеченным.

Камеру повело в сторону, и она стукнулась о стекло. Дэнни со своей дамой дрогнули от страха. Камера наконец смогла ее запечатлеть. Пышные кудри, ровные острые губы, красное платье и большие глаза, которые подчеркивали длинные ресницы.

Мгновение они не знали, что делать, в это время камера в руках оператора спустилась ближе к земле. Уже через секунду мужчина сорвался с дивана и полез открывать окно, которое с треском ударилось о деревянный выступ внутри помещения.

– Ты кто нахрен такой?! Эй! Куда побежал?!

На фоне что-то затрещало.

Раздался уже засевший у меня в голове знакомый звук, но Матье со всех ног бежал, не обращая на него внимания. Рывками вверх-вниз камера снимала деревья и кусты, смазывая картинку. Было очень темно и практически ничего не видно. Шелест листьев и царапающие куртку звуки острых веток – единственное, что можно было услышать. Наконец заросли закончились, и Матье выбежал на пляж, стремительно несясь в сторону частотола из деревьев, что находились примерно в двухстах метрах.

Лунный свет падал на водную гладь, и картинка стала более четкой.

Голоса Дэнни было не слышно. Наверное, его телосложение не позволяло ему гнаться за молодым парнем.

Камера проникла в новые заросли ближе к берегу, сквозь которые просачивался свет.

Раздался звонкий треск, выдавая чье-то присутствие.

Запись оборвалась.

– Смотрите! – Ши ткнула пальцем в небольшой участок между деревьев, где еще пробивался тусклый свет.

Сложно было понять, на что конкретно указала подруга. Мы наклонились поближе к экрану, и я прищурился, стараясь увидеть какие-нибудь детали.

Да. Вижу. Слегка смазанный силуэт человека, это точно! Он стоит метрах в десяти, но смотрит прямо в сторону Матье.

– Это еще кто?! – вырвалось из моих уст.

– Хрен знает... Больше ничего не удалось вытащить, запись обрывается. Но я думаю, что этот тип связан с исчезновением Матье.

– И Отиса, – добавил я.

– Вы серьезно? Чел просто пришел потусить на пляже в одиночестве, а вы на него вешаете два похищения? – возмутился Эйс.

– Да кто вообще в это время ходит на пляж? Один! Ночью! Осенью, мать твою! – Ши быстро начала выходить из себя.

– Не-не-не... Все это притянута за уши.

– Джул! Может, ты скажешь, что думаешь? – Алиша искала поддержки у подруги.

– Это... стремно. Другого слова у меня нет. Совпадения бывают, но тут немного не та ситуация, где стоит сразу все отрицать. Это версия. Да, хлипкая. Но единственная. Надо цепляться за нее. Или ты хочешь оставить все на совесть полиции? Я-то, поверь, знаю, как они работают. Повезло, что вас всех еще не загребли.

– Нет, – с трудом выдавил из себя Эйс.

– Хорошо. Мы поняли, где пропал Матье и что это не случайность. Будем исходить из этого. А... и еще... Что это за звуки на фоне?

11

Я брел по темному лесу, который сказочно освещали светлячки. Их стрекот так успокаивал. Впереди журчала речка. Слабый поток, на который можно было залипать часами. Я опустил руки в воду. Она была такая теплая. Даже странно. Интересно, есть ли там головастики? Глаза стали активно бегать, стараясь заметить хотя бы одного. Но разве можно что-то разглядеть в этой темноте?

Сумерки. Небо посветлело, будто в мгновение прошло несколько часов. Наверное, так и есть. Не важно, потому что теперь я смог зачерпнуть двух головастиков. Они кружились в моих полных воды ладонях, словно танцуя.

– Они такие милые.

Напротив меня сидел ребенок, сложив руки лодочкой. Он так искренне улыбался маленьким детенышам жабы. Ему больше ничего не нужно в этом мире. Только все то, что его окружает.

– Мама, смотри!

Из ниоткуда появилась женщина с роскошными волнистыми кудрями ядерно-красного цвета. Такой насыщенный оттенок, который притягивал к себе внимание даже в блеклом свете сумерек.

– Как ты их поймал? – радостно восхищалась девушка.

Ее уста, словно колыбель, убаюкивали своим звучанием.

– Три... – раздался неведомый голос.

Женщина размазала, будто кто-то плеснул на свежий холст стакан воды.

– Два...

Ребенок растворился, как сигаретный дым.

– Один!

Щелк

Мои грезы превратились в белый потолок и свисающую с него люстру.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась Марго.

– Мм... Не знаю...

Ощущение, словно из состояния кумара переходишь в отходняк. Голова прибавила пару килограммов весу, а внутри расплылся туман. Я не сразу понял, что вернулся в реальность, но осознание этого пришло быстро. И это меня расстраивало.

– Расскажи: где ты был? Что или кого ты видел? И главное – что ты ощущал внутри?

– Я был... в воспоминании.

– Та-ак, очень хорошо. Что ты вспомнил?

Марго пристально смотрела на меня, не отводя глаз. Они были полны заинтересованности. Ее особенная черта – она переживает за своих клиентов, как за детей.

– Это был фрагмент моего детства. Мы с мамой ловили в речке головастиков.

– Сколько лет тебе было?

– Я думаю – около семи.

– Ты можешь вспомнить, какие эмоции ты испытывал будучи ребенком, и сравнить с тем, что почувствовал сейчас?

– Точно могу сказать, что тот мелкий пацан был счастлив, а его взрослая версия – наоборот.

– Миккель. Ты испытываешь отрицательные эмоции, вспоминая хорошие моменты своей жизни. Задай себе вопрос: почему тебе плохо об этом вспоминать?

– Вы знаете ответ. Сколько раз мы будем еще проходить одно и то же? – я начал выходить из себя. – Эти воспоминания причиняют мне боль, потому что все это напоминает мне, что

я больше никогда не испытаю этих чувств! Скажете о том, что надо двигаться дальше, искать хорошее, не думать о плохом и прочую чушь? Это не работает!

Мой раздраженный голос ударялся о стены, заставляя их дрожать. В этом небольшом кабинете в деловом комплексе были тонкие полые двери, пропускающие больше звука, чем хотелось бы.

– Микки... Некоторым людям выпадает тяжелое бремя. Это невозможно удалить из своей памяти, словно фотографию с телефона. Ты никогда не поборешь эту боль. Да, это так, Миккель. Но ты можешь научиться жить с ней. Именно поэтому ты здесь. Ты хочешь жить.

Я пытался зацепиться за слова психолога, как за руку помощи. Избавиться от приступа агрессии. Но я словно слепой в парке, потерявший свою трость. Не знал, за что схватиться.

– Сейчас внутри тебя отрицательные эмоции. Но сегодня ты вспомнил что-то из своего детства, причем хорошее. Это прогресс. Мы наконец-то сдвинулись вперед.

– Я почти разглядел ее лицо.

– Всему свое время, Миккель. Мы хорошо поработали. Проанализируй свое воспоминание. Возможно, ты найдешь там еще что-нибудь.

Как и планировали, мы собрались следующим вечером дома у Алиши и Эйса. Она выглядела взволнованной. Тони прихватил с собой пива, но Ши грозно запретила сегодня пить. Она сказала, что мы должны быть с ясной головой, потому что вещи ее бабушки очень важны для нее, и если кто-то что-то ломает, то весь гнев этого мира обрушится на этого человека. Тони сглотнул и убрал банки в холодильник.

Мы вышли из дома темным вечером. Все по отдельности добирались до Алиши с Эйсом на такси. Даже Тони, тачка которого в очередной раз сдохла с неделю назад. Но на квартиру Эллен мы пошли пешком. Ши взяла с собой укрепленные пакеты для вещей, но всего пару штук. Наверное, хочет взять только самое важное.

Прогулка заняла минут двадцать, и мы подошли к старому двухэтажному дому недалеко от парка скульптур. Вблизи проходила дорога. Помню, как Ши рассказывала, что ее бабушка часто жаловалась на шум от проезжающих мимо машин по ночам.

– Вы еще не думали, что будете делать с квартирой? – поинтересовалась Джулия.

– Нет, – грустно задумалась Алиша. – Одно скажу точно – пока я не готова ее продавать.

– Но если решитесь, то ко мне первым делом. Я знаю человека, который поможет все оформить.

Сам домик был небольшой. На одном этаже жила Эллен, а другой она сдавала. Внутри он казался больше, чем снаружи. Я бы не подумал, что в квартире может уместиться три комнаты, причем не маленькие.

Интерьер оформлен под восьмидесятые года. Все простенько, но с уютом. Много мебели, но ничего лишнего – все на своих местах.

– Родители заходили сюда, когда... В общем, они тут ничего не трогали. Сказали, чтобы я сама забрала, что мне нужно, а остальное они уже сами.

– Я сразу открою окна, окей? Мне кажется, спертый воздух среди пяти человек быстро превратит помещение в парилку.

– Да, пусть проветрится, а то окна все это время были закрыты, мало ли кто влезет.

– Командуй, Крошка, – Эйс разложил пакеты.

– Пу-пу-пу... Я хотела в первую очередь найти бабушкины дневники. Она рассказывала мне много интересного о своей жизни. Надеюсь, они не спрятаны в каком-нибудь сейфе. Джул

поможет мне. Кому-то надо разобрать вещи и сложить все на кровать. Еще у бабули много разных сувениров, антиквариата. Я бы тоже хотела все забрать. Книжные полки мы сами разберем, но кто-то может помочь.

– Пусть шмотки и сувениры Тони с Эйсом разбирают, а я разберу книги, – предложил я.

– Тоже об этом подумала. А то эти двое и название на обложке прочесть не смогут.

– Мне кажется, ты исчерпала лимит моих унижений на этой неделе, – возмутился Эйс.

– Прости. Я имела в виду...

– Да понял, понял.

Эйси направился в прихожую. Тони оглядел комнату, присматриваясь к каждому уголку. Его взгляд остановился на полке, где красовалась свеча в форме женской груди.

– А куда складывать все эти приبلуды?

– Думаю, можно на кухне. Родители там уже все убрали, так что ничего мешаться не будет. Пока просто сложи все на обеденный стол. Я, как освобожусь, тоже гляну, что там.

Книг в квартире было немало. По рассказам Алиши, ее бабушка была очень любознательным человеком. Много где успела побывать, многое узнала о нашем большом мире. Уверен, немало она почерпнула из всех этих книг. Тут была и философия, и путеводители разных стран, и немало классических книг. Несколько знакомых рассказов Жюль Верна, которые мне всегда сложно давались из-за множества географических нюансов. «Старик и море» Хемингуэя, «Мартин Иден» Лондона, «О мышах и людях» Стейнбека. Очень хорошие книги, которые притянули мое внимание. «Сказания Земноморья» Урсулы Ле Гуин – приятная находка, может, Алиша разрешит забрать ее себе? Не уверен, что она любит такой жанр.

Я не мог определиться, как все это сортировать. По алфавиту? Может, по размеру? Или удобнее будет распределить по жанру? Можно спросить Ши, но я не стал этого делать, думая, что все-таки разбить стопки по темам – лучшая идея и самая удобная.

Пока я разбирал романы с полок, по соседству Тони полез за канделябром на шкаф с сервизом.

– Чел, тебе помочь? – поинтересовался я.

– Да у меня все под контролем, – уверенно ответил друг и поставил перед собой не самую надежную табуретку. Он слегка покачнулся в сторону, но устоял.

– Как прошло утром?

– Ты про допрос?

– Ага.

– Нормально, в принципе. Следак загрузил вопросами о том, что мы там делали, что видели, что слышали. – Тони ловко подхватил канделябр и слез на пол. – Сегодня должны снять показания с камер. У меня там приятель работает, попросил его мне позвонить, как что-то узнает.

– Ты не переживаешь?

– Хм... сложный вопрос. И да и нет. Вряд ли дело повесят на нас – тут у меня нет волнений. Но по поводу того, что произошло... Я и не знаю, что думать. Очень мутная хрень. Тебе не кажется, что это Дэнни тебя вырубил и похитил Отиса?

– Он же уехал. С чего бы он оказался в заброшке?

– Уверен, у него там есть камеры, а мы не так уж скрытно себя вели. Вернулся, как заметил нас.

– А что насчет того чела на пляже? Который попался в кадр на записи Матье.

– Этот жиробас вряд ли успел бы добежать туда, тут ты прав. Но никто не исключает того, что это мог быть его приятель. В крайнем случае – просто левый чел, который пришел почилить в одиночестве. Не забывай, что там по заброшкам всякие типы тусуются.

– Но тогда и вырубить меня мог один из них.

– Опять же – не думаю. Бездомные, как правило, не высовываются, и обдолбыши тоже. Тебя же просто огрели. Причем, как ты говоришь, сзади. А ты перед собой видел какого-то типа. Значит, их было двое. Версия с Дэнни и его приближенным становится более актуальна.

– Мм... – я прогнал в голове догадки Тони. – Но почему пропал Отис, а меня просто вырубили?

– Так ты им и не нужен. Там были только Матье и Отис. Одного поймали, второго спалили на камерах и как мы заходили в те бараки. Проследили за нами. Тебя вырубили, а Отиса уволокли. Если бы вы тогда с Эйсом не начали хрень нести и мы вместе осмотрели оба прохода – никто бы больше не пропал.

– Окей, мужик. Тогда остается один вопрос. Почему камера Матье была так глубоко в заброшке?

Тони опустил задумчивый взгляд.

– Тут мои дедуктивные навыки бессильны.

– Вы ведь не ходили снова на пляж? Туда, где запись обрывается? – я обратился ко всем.

– Там сейчас полиция рыщет по местности, – раздался голос Эйса из прихожей.

– Да. Сейчас лучше на рожон не лезть, а то и правда нас подозревать начнут, – добавила Алиша.

Спустя час мы более-менее справились с поставленными задачами. Правда, у Эйса, кажется, дел было побольше. Ши вдобавок попросила его рассортировать одежду, а он уже все скинул в огромную кучу на кровать.

Я расставил книги аккуратными колоннами, не слишком много в одну стопку, чтобы не дай бог не рухнули. Мне всегда было грустно, глядя на растрепанные корешки, поэтому свои книги старался хранить очень бережно. Но здесь явно время прошлось нещадно. Тем не менее с разрешения Алиши я заполучил ту самую книжку, на которую положил глаз.

Ши и Джул нашли дневники Эллен и вместе читали, сидя на полу и разложив их вокруг себя. Они то удивлялись, то хихикали, а иногда грустно вздыхали.

– О, смотри! – она дернула Джул. – Когда я была маленькой, бабушка выдумала для нас волшебный язык заклинаний. Она даже сделала для меня книгу! Правда, в дневниках остался только какой-то вырванный клочок, эх...

– Офигеть. Это так мило, Ши. И ты до сих пор помнишь этот язык? Наверное, ты обожала в детстве колдовать!

– Хорошие были дни. Самые лучшие... – она вновь взгрустнула, погружаясь в воспоминания. – Кстати да, я сама не поняла, как прочитала то, что там написано. Во даю!

– Так а какие там заклинания? Есть что-нибудь про деньги или вечную молодость? – Джул подыграла бровями.

– Не-е... Там все по-серьезке. Вот, например, – она тщательно уставилась в записи. – Заклинание, которое позволяет натравить moskitov на своего недруга.

– И оно работает? – казалось, Джул поверила в реальность магии.

– Да, десять раз, блин! – Ши засмеялась.

– Может, есть что-то эдакое?

– Щас гляну...

Алиша медленно вела пальцем сверху вниз по растрепанной странице. Она что-то бубнила себе под нос, пока не остановилась, радостно воскликнув:

– Нашла! Правда, тут нужна кровь... странно, не помню, чтобы здесь это было...

– Воу. А это не слишком для маленькой девочки? – Тони недоумевал.

– Да это все приколы же. Хотя не знаю, почему она это написала.

– Ну, в честь твоей бабушки – Великой и прекрасной Эллен Терн, мы обязаны его испытать, – Джул была в восторге.

Теперь уже остальные разделяли переживания Тони и косо встретили предложение его девушки.

– Это будет идеальный способ попрощаться с ней, Крошка, – Джулия трепетно погладила Ши по плечу.

– Да. Ты права. – Переживания Алиши сменились уверенностью. – Тони! Неси канделябр!

Для заклинания мы выключили свет во всей квартире и сели вокруг Алиши.

– Детка, давай только без садо-мазо, а? Зачем себя резать-то? – как и я, Эйс был недоволен странной выходкой Алиши.

– Тут нужна-то капелька. Хотя, если ты так переживаешь за меня... может, дашь себя уколоть? – ее тон звучал как вызов.

– Да без проблем. Если это тебя успокоит.

Эйс присел на коленки перед Алишей и протянул руку. Она сжимала маникюрные ножницы, которые в ее маленьких ручках казались больше. Ее пальцы со всей нежностью и заботой обхватили мужскую ладонь. Прицелившись в подушечку указательного пальца, она резким движением проткнула кожу, из которой медленно надулась небольшая красная капля. Эйс зашипел, не в силах сдержать неприятное чувство.

Ши начала надавливать на кожу вокруг ранки, накапливая побольше крови. Она закрыла глаза. Большой палец ее руки раздавил каплю, словно втирая кровь обратно. Алиша сделала глубокий вдох и произнесла:

– Слово огня. Пылай!

Секунда мертвой тишины. И вдруг. Свечи на канделябре зажглись алыми призраками, подрагивая, словно биение сердца. Моя челюсть отвисла, а глаза ощутили такое напряжение, что могли выпрыгнуть из орбит. От этого боль ударила по свежей ране жгучим острием, и голову повело. Меня затошнило, но позывы были не сильные.

– Что, блять?! – не удержалась Алиша. Ее лицо выглядело самым ошарашенным среди нас.

– Крошка, ты не говорила, что умеешь фокусы показывать, – губы Эйса растянулись кривой улыбкой. Из-за неправильного прикуса верхняя губа скрывала за собой ряд зубов.

– Ты прикалываешься? – она возмутилась.

– Могла бы придумать что-то без иглоукалывания. Эти твои шутки начинают переходить границы, – его довольное лицо сменилось недовольством.

– Да, Ши. Я сначала прифигел, крутой фокус, но можно было и без крови обойтись, – вступился Тони.

– Да ладно вам, прикольно вышло! – Джул поддержала подругу.

– Вы серьезно мне не верите? Микк?

Алиша искала в моих глазах не помощи, не поддержки. Она искренне надеялась найти во мне веру.

– Если это реально не фокус, то давай я тоже попробую.

Мне казалось, это единственный способ не обижать подругу, хотя непонятно, зачем ей нужно было, чтобы я поверил в выдуманную магию. Может, это связано с ее детством и тем, что они так проводили время с бабушкой? Мне хотелось ей чем-то помочь.

Ши потушила свечи, и я занял ее место.

– Слово огня. Пылай! – Тебе нужно почувствовать энергию огня, которого еще нет. Эта энергия должна его разжечь. Разотри кровь в пальцах и произнеси слова заклинания.

– Откуда ты знаешь, что надо растирать кровь? Ты же сама раньше этого не делала, – негодовал я.

– Не знаю, чувствую просто. Понял, да? Давай не бубни и приступай.

На этот раз молчание пропиталось безнадежностью. Я сконцентрировался. Представил себе огонь, как он разгорается на тонких фитилях. Маникюрные ножницы проткнули мой палец, возможно сильнее, чем нужно. Бровь дрогнула, но я стерпел. Растирая кровь подушечками пальцев, я громко произнес:

– Слово огня. Пылай!

На этот раз свет не разогнал тьму. Пламя свечей не откинуло тени от наших тел. Я почувствовал разочарование. Мне хотелось верить, что такое может произойти и это была не шутка.

– Облом, – разбил тишину Эйс.

– Да как так-то?! – вновь возмутилась Алиша.

Ребята поднялись с пола.

– Но все равно было круто, Ши! Научишь меня потом? – Джулия продолжала радоваться, как ребенок, диковинному фокусу.

– Да блин...

Тони включил свет, и они с Эйсом вернулись к своим задачам. Им осталось всего ничего. Джул собрала дневники с пола и аккуратно сложила в стопочку на письменный стол.

Я потерянно посмотрел на ребят, думая о том, как быстро все стало обыденным вечером. Ши все еще глядела на канделябр. Она подняла взгляд и посмотрела мне в глаза. В них читалась печаль и недоумение.

12

Моя квартира находилась рядом с центральным парком. Старый двухэтажный дом, прям как у Эллен. Правда, жильцов побольше, хоть и состояние у него аварийное. Краска давно облезла, и местами проглядывает кирпичная кладка. Входная дверь держится на добром слове, а внутри вечно чем-то воняет. Не знаю, что готовит соседка по лестничной площадке, но запах отдавал сладостью и рыбой – как у перезрелых фруктов, фаршированных селедкой.

Лампочка на этаже мерцала тусклым светом, и в темное время суток приходилось включать фонарик на телефоне, чтобы попасть ключом в паз.

Пол в подъезде был липким, словно кто-то разлил лимонад. Я придал бы этому значение, но такой случай далеко не первый. Тут периодически тусуются алкаши и порой не дают уснуть по ночам.

Эйс частенько говорит съезжать отсюда куда подальше, но финансы не позволяют найти хороший вариант для проживания. Сестра предлагала помочь деньгами, но она и так достаточно мне помогает, поэтому я отказался.

Я не так давно уволился из мастерской по обработке металла, решив, что должен посвятить немного времени себе и написанию романа. «Если не рискнешь, то никогда не узнаешь, какой могла бы стать твоя жизнь» – прочитал я однажды в каком-то мотивационном паблике. Любая словесная мотивация, по-моему, полная туфта, но почему-то эта фраза меня зацепила.

И по прошествии месяца написал я от силы страниц сорок – такой себе результат. Мое желание все откладывать на потом съедает изнутри, когда настает это самое «потом», а я опять прихожу домой посреди ночи пьяный. Утешаю себя тем, что когда ребята уедут в командировку, я буду писать сутки напролет, но пока сам не верю в это.

Перед сном я открыл «Сказания Земноморья» – книгу, которую любезно отдала мне Алиша. В прошлый раз мне удалось добраться до третьей книги из цикла, но, как бывает, пропустив несколько дней на квартире у ребят (либо в баре), чтение откладывалось на завтра, пока вовсе желание не пропадало.

Спустя двадцать страниц веки потяжелели. А когда я прочел последнее слово второй главы, они вовсе сомкнулись, словно наградой за старание будет крепкий сон.

Прошел час. Второй. Третий. Но помутненный рассудок так и не перешел в мир грез и страданий. Глаза защипало, будто после долгой работы за абразивным станком, и я решил потерять их и занес алюминиевую пыль под веки. Руки ватой растеклись по кровати с неприятным ощущением истощения.

Я приподнялся и сел на край кровати. Может, в глаза и правда что-то попало... Лучше бы промыть это дело.

Ночник у кровати тусклым светом охватил половину спальни. Большая луна, перед которой скачет «Монки Ди Луффи» – подарок любимой сестренки. Надо бы поменять в нем батарейки.

Стараясь не смыкать век, я промыл глазные яблоки теплой водой. Глядя на них в зеркало, меня смутил красноватый белок. Я одернул нижнее веко и пригляделся поближе. Мелкие молнии расходились от зрачка, будто тонкие изломанные проволоочки.

Когда я вернулся в комнату, чтобы постараться уснуть, меня повело в сторону. Я ухватился за дверной косяк. Это было непростое головокружение. Кончики губ ощущали ледяное покалывание, словно в них перестала поступать кровь. Стараясь не упасть, я сделал шаг к кровати. Мое тело отбрасывало тень на шторы. И тут их стало две. Они начали кружиться между собой, гипнотизируя меня. Из них начали вылезать извивающиеся отростки. Я все еще стоял и всматривался. Подобие щупалец возвышалось над головами, переплетаясь, как корни деревьев. И тут они слились воедино. Лишь одна тень, но не человека. Пальцы втянулись в ладони,

а вместо них вылезли черви, выплясывая, словно ленты на ветру. Из шеи, казалось, вылезли все сосуды, обтекая плечи. Челюсть раздвинулась, выступая по бокам паучьими клешнями.

Я проникся образом чудовища, в которое превратился.

Рана на голове зажглась. Я чувствовал, как кожа на затылке пульсирует. Мне казалось, что оттуда что-то лезет наружу.

Это все сон? Или же глубины моего воображения вырвались наружу? Это и есть мой внутренний мир?

Все, что было передо мной, смылось водой по холсту, и наконец тьма поглотила меня. Я потерял равновесие и рухнул на пол, отправляясь к чудовищу.

Старый жесткий ковер впился своим грубым ворсом мне в щеку. Я ощутил влажность на губах, которые оставили вытекшие из открытого рта слюни. Тело ломило, кости хрустели, выпрямляясь в локтях и коленях. Чувство хмури с утра, как от похмелья. Я с трудом поднялся на ноги. Свет выжигает сетчатку глаз, поэтому первое, что я сделал, – задернул плотные шторы, вернувшись во мрак.

С трудом вспоминая вчерашний вечер, мне не удалось восстановить картину событий. Я помню, что мне щипало глаза... после ванной комнаты меня повело и... потерял сознание? Может, это из-за сотрясения... Мне же как раз сегодня в больницу на перевязку!

Я разблокировал телефон. Ни одного сообщения. Так даже лучше. Стоп. 8:37?! Мне же к девяти на перевязку. Черт, опять время играет против меня.

Потратив не больше минуты на чистку зубов, я сразу вышел из дома.

Так или иначе, мне пришлось сидеть в очереди. Меня вызвала взрослая женщина в голубой форме с короткими рукавами, из которых виднелись темные пятна от ожогов.

– Ох, красавчик. Давай-ка тебя подлатаем.

Я старался не смотреть на ее шрамы, но, кажется, ее это не волновало. Медсестра ловко размотала бинт, и ее сильные руки заботливо накрыли мою голову.

– Эм... Парень, а тебя чего прислали-то?

– Мне голову разбили. Вчера выписали из больницы с рассечением. Сказали, что без перевязок рана может загноиться.

– Это-то понятно, я ж не первый день работаю. Знаю, зачем перевязки делать. Но у тебя и шрама-то нет. Так, плешь небольшая. Все зажило давно, боец.

– В смысле? – меня охватило внезапное чувство тревоги.

– Так, парень. Ты видел, сколько людей в коридоре сидит? Не отнимай мое время. Тебе перевязка не нужна.

Я вышел из кабинета и минуту-другую ощупывал свой затылок. И правда, никаких болезненных ощущений не было. Как сказала медсестра – буквально выбритый на днях участок уже зарос волосами.

И тут мое сознание спуталось. Я ощутил некую потерю не только в пространстве, но и во времени. Словно кто-то украл неделю моей жизни. Тревога не утихала, но чего она от меня хотела – не ясно. Переживаю непонятно что. Надо срочно увидеться с кем-то из ребят.

Выйдя на улицу, я первым делом открыл контакты, в которых значилось больше людей, чем хотелось бы. Вся наша компания, номер Сины, бывшие коллеги по цеху и малознакомые ребята, с которыми меня познакомили друзья. Я резко смахнул пальцем вверх, чтобы набрать Эйса, который был в самом конце списка.

Прозвучал лишь один гудок, и мне сразу же ответили, словно ждали моего звонка.

– Аллю! Микк?

– Да. погоди, ты назвал меня по имени? – я был удивлен.

– Не до этого сейчас!

– Что случилось?

– Я щас с Тони, ему звонил Николай – знакомый из полиции. Они посмотрели камеры с ночи пропажи Матье и следующий вечер, когда пропал Отис...

– Ну и чего там? Был кто-то подозрительный?

– Чел, там вообще никого не было! Даже нас.

– То есть как? Камера загнула?

– Нет. В оба дня она зафиксировала темную «BMW» – тачку Дэнни. Но как мы пришли, как залезли в заброшку – ничего, словно нас там не было.

Вначале я подумал, что дело наконец-то пошло и полиция быстро со всем разберется, но странные события последних дней продолжают вгонять меня в ступор. Голос друга подливал масло в огонь. Он явно сильно нервничал. До меня дошло, что это еще не все новости.

– Я не врубаюсь... – мозг не мог искать ответы. Ему и вариантов не дали для размышлений.

– Еще бы! Только вот теперь наши слова звучат еще хуже. Пропали два человека, о пропаже которых знали только мы. Нет ни одного доказательства того, что там был кто-то еще.

– Погоди-погоди... ты же не хочешь сказать, что...

– Что мы теперь главные подозреваемые? Именно так и есть, братан. Нас всех вызывают на допрос!

13

Допрос

Сайлас сидел за небольшим столом. Бардак на рабочем месте – его второе «я». Он не мог работать, когда все расставлено по полочкам. Подобного рода педантизм он рассматривал как извращение для озабоченных порядком. Что можно сказать о таких людях вне работы? Они так любят контроль на работе, но как это влияет, допустим, на быт и личную жизнь? Цветы должны быть вовремя политы, иначе им не хватит энергии расти дальше. Что же с ужином? У каждого ингредиента свое место на тарелке. А как же любимая жена, которая ждет не дождется, когда ее трудящийся муж вернется, чтобы ублажить его? По расписанию, само собой. Не слишком поздно, не слишком рано. Равномерное распределение нагрузки. Сначала он будет снизу, зажат меж ее бедер и ублажать, словно по методичке. Борода, естественно, гладко выбрита, чтобы не доставить любимой неудобств. После тщательно проработанной работы языком он накроет ее своим телом, медленно двигая бедрами, чтобы разогреть еще сильнее. И на десерт такой человек позволит жене почувствовать свою доминацию в позе ковбойши. Так Сайлас видит желание контролировать, которое зарождается в простом невинном слове – порядок.

Люди мельтешили у входа в кабинет, и его это изрядно раздражало. Будучи напряженным с самого утра, он не скупился на ругань, особенно в сторону тех, кто отнимал его время.

Среди разбросанных по столу бумаг, канцелярии и мусора для него были важны лишь три вещи, которые он не потеряет, какой бы хлам ни скопился на его рабочем месте. Фотография Сайласа с дочкой – то, что не дает ему выпустить пулю себе в башку каждое гребаное утро. Сигареты, контролирующие его позывы пить прямо на работе. И конечно же, папка с делом, которое ему поручили вести.

Он вытащил две фотографии молодых ребят. Пристально взглянул на каждого и убрал снимки обратно в папку. Это ритуал, который он проводит во время каждого расследования. Таким образом он ментально общается с жертвой, узнает ее. Каждый новый взгляд открывает новые детали, а они в свою очередь приводят к ответам.

Сайлас вставил между губ синий «Кэмел», прикусывая кончик фильтра зубами.

Коллега постучал по распахнутой двери, призывая обратить на себя внимание.

– Чего тебе? – следователь взглядом бегал по столу в поисках зажигалки.

– Тебя ждут в допросной.

– Обосраться можно. Огонь есть?

– Сайлас. Не жди, когда придет Суини и сделает тебе выговор. Ты в курсе, как на нас давят с этим делом. Парнишка – сын Лафлеров, а они костыми лягут, пока не...

– Пока не вытрахают нам всем мозги?

Детектив исподлобья кинул взгляд на коллегу, ожидая, что тот либо даст ему зажигалку, либо свалит куда подальше.

Закон запрещает курить в помещениях, но в участке были свои порядки, периодически нарушающие права людей. Поэтому, пройдя в кабинет для допросов, вместе с Сайласом Кроу проследовало мутное облачко дыма.

Папка шлепком ударилась о поверхность стола, от чего девушка вздрогнула. Она выглядела уверенной, но подвластной давлению. Любимый тип следователя Сайласа – люди, которых можно сломать.

– Вообще-то в помещении нельзя курить.

Она выбрала тактику пассивной атаки. Создает для себя иллюзию свободы.

– Да что ты, – его голос был беззаботным, словно ее слова ничего не значили. – Меня зовут Сайлас Кроу.

Девушка промолчала, опустив взгляд на папку.

– Алисия Луна, верно?

– Алиша. Никто не называет меня Алисией.

Следователь развязал узел на корешке и достал фотографии, которые рассматривал у себя в кабинете. Он положил их перед подозреваемой.

– Кто они?

– Это мои друзья, которые пропали. Мы написали заяв...

– Я не спрашиваю, кем они тебе являются. Мы еще дойдем до этого. Расскажи мне, кто такой Матье Лафлер и кто такой Отис Мейфью? – он говорил медленно, растягивая слоги.

Алиша чувствовала невидимую руку, которая держала ее за темечко и вдавливала в пол.

– Я не знаю Матье. Мы виделись один раз. – Она выдержала паузу, но, кажется, такой ответ не устроил следователя. – Хорошо! Он человек мужского пола. Видеооператор. Француз! Не очень хорошо говорит по-нашему.

– Достаточно. Что скажешь о втором?

– Отис... Отис хороший парень. Добрый. Крутился как мог. Жизнь у него была не сахар.

– Голос девушки начал гнусавить. – Мать погибла, а отец... – она прервалась, осознав, с кем разговаривает. – В общем, отец у него чудовище. С ним ничего не должно было случиться, он же был с нами. – Ее глаза невинно забегали, а голос задрожал.

Сайлас не проникся сочувствием к Алише. Наоборот, он ощутил некое отвращение. На него давят Лафлеры, но следователь понимал, что здесь цепляться надо за второе исчезновение, которое непременно приведет к самому началу.

– Теперь перейдем к пропаже.

Алиша в подробностях рассказала все, что связано с исчезновением ее друга и нападением на Миккеля, начиная со встречи на пляже в день, когда она узнала о смерти ее бабушки. Алиша старалась не упускать деталей, ведь они договорились с ребятами говорить открыто, чтобы слова каждого максимально совпадали.

Следователь внимательно слушал, прикуривая одну сигарету за другой. В допросной поднялась легкая дымка в воздухе. Когда ее история подошла к концу, лицо Сайласа переменялось. Скоро он узнает, что конец ее пересказа, как и окончание историй остальных, не будет совпадать лишь с одним человеком.

– Значит, Миккель Хольм последним видел Отиса Мейфью? – вопрос, который он задал каждому, кто пришел на допрос. Пока не настала очередь Миккеля.

Сайлас Кроу смаковал последнюю сигарету, заранее обдумывая, есть ли еще пачка у него в кабинете. Перед ним сидел парнишка двадцати лет. Прямые волосы цвета жженой карамели. Высокий, обычного телосложения. Нос ломали – следователь подметил это сразу. Он вглядывался в каждый элемент одежды. Черная толстовка с японскими самураями, из которой юбкой торчала коричневая длинная футболка. Просторные спортивные брюки, обычные кроссовки бежевого цвета. Но вот одного элемента здесь не хватало.

– Миккель. Ты рассказал мне все, что я хотел услышать. Только объясни вот что. Если на тебя напали, как ты утверждаешь, и чего подтвердить никто не может... Скажи, где же шрам, который должен быть свеж, как только что пойманная рыба?

Парень бегал глазами по столу, смотрел на свои руки, на пол. Он не фокусировался, просто где-то внутри его мозг пытался найти правдоподобный ответ.

– Не знаю. Похоже, не так сильно ударили, и следов не осталось.

– Я смотрел твою карточку. У тебя должно быть рассечение, которое зашили. А у тебя даже волосы на месте. Как же так? Волшебное исцеление? Ты у нас как та морская звезда – умеешь регенерировать?

– Я понятия не имею. Меня ударили сзади. Рассечение или ушиб, или что бы там ни было – я этого не видел. Помню только, что меня ударили по затылку и еще какой-то тип стоял передо мной.

– Кто же? Есть догадки? – его тон был играющим. Он подыгрывал своему собеседнику, заводя его в тупик.

С минуту глаза парнишки вновь бегали от точки к точке, пока он наконец не ответил.

– Дэнни! Владелец ресторана. Мне кажется, он следил за нами.

– Вот оно как. На кой черт ему это нужно?

– Потому что Матье с Отисом следили за ним и нарыли компромат. Видимо, когда мы искали Матье, он нас заметил и проследил, чтобы избавиться от свидетеля. А помогал ему какой-нибудь дружок.

– Какая уверенная теория. Сами проверить, видимо, не успели? Вы же у нас детективы, которые вместо того, чтобы написать заявление о пропаже человека, сами отправились раскрывать дело.

– Мы просто хотели помочь другу.

– Ага. И потеряли второго.

Миккель погрузился в чувство вины. Мысль о том, что всего этого не было бы, не предложи он тогда залезть в то здание. Но была вещь, которую им все же пришлось утаить от полиции, ведь тогда допрос проходил бы в наручниках.

– И ничего подозрительного там больше не было? Только какой-то шум и нападение?

Миккель подумал о камере и записи с карты памяти, которую им удалось выгащить. Но все это станет для них приговором.

– Больше ничего.

Сайлас смиренно вздохнул. Дело затянется – это он понимал точно.

– Пока свободен.

В половину третьего всех отпустили. Друзья стояли недалеко от участка, и никто не мог подобрать правильных слов, но каждому хотелось разрушить это тяжелое молчание. Наконец лидер в лице Тони заговорил.

– Думаю, у всех сейчас в голове вертится одна мысль. – Он пробежался взглядом по каждому. – Нам лучше залечь на дно.

– Наши сходки для них – лишний повод подозревать нас. – продолжила Алиша. – Может, они уже начали слежку, а мне ой как не нравится чувство, что за мной кто-то подглядывает из-за кустов.

– Джул сказала мне, что бояться нечего. Нет улик – не прикопаются. Так что да, лишний повод давать не будем.

– И надолго это? – спросил Миккель.

– Пока не зацепятся за кого-нибудь другого, – твердо ответил Тони. – Уверен, они допросят Дэнни и переключатся на него. Надеюсь, Николай мне черканет в ближайшие дни.

– И мы должны забыть о том, что было? Пропал наш друг. Мой друг! – переживания Алиши не могли скрывать эмоции, от чего ее тон стал на порядок выше.

– Крошка, – Эйс накрыл ее плечи своими руками. – Полиция со всем разберется. Нам лучше пока побыть в стороне.

– Это сильно бьет по морали, вам не кажется? – Миккель встал на сторону Ши.

Тони глубоко вздохнул, закатил голову, будто хотел посмотреть на облачное небо, но его глаза были закрыты. Наконец он собрался с мыслью и поставил точку.

– Да. И мы ничего с этим не сделаем. Смиритесь с тем, что сейчас нам нужно думать о себе. Мне жаль парней, но мы не сыщики. Хотите играть в героев – сходите в компьютерный клуб. Ши, ты вроде только что сказала, что не хочешь, чтобы тебя подозревали? Ну так решение простое. Лично с меня довольно. Я вернусь домой, схожу в душ и смою с себя максимум дерьма, сколько смогу. И вам всем советую. – На этих словах он согнул пальцы в форме пистолета, но перевернутого вверх ногами, прислонил к виску и изобразил глухой выстрел – старая традиция прощаться в беспокойные времена. И ушел.

Переваривая сказанное, всем было не по себе, особенно Ши, которой хватило переживаний за последнее время. Но чувство, что она может помочь и будет бездействовать, угнетало.

Неужели Тони прав и мы лишь строим из себя героев?

– Нам всем надо отдохнуть, – сказал Эйс, все еще приобнимая свою девушку. – Пойдем домой?

Алиша в ответ неуверенно кивнула.

– Свидимся, Сокол, – сказал Эйс, повторяя прощальный жест Тони.

Миккель посмотрел на Ши, которая подняла взгляд на него. И они синхронно поднесли руки-пистолеты к виску и взвели курок.

14

Алиша

Казалось, что дома пусто. Чего-то не хватало. Я все еще думаю о бабушке с невыносимой тоской. Она заменяла мне маму с папой, которые вечно пропадали на работе. И стала мне самой лучшей подругой. Я плакала у нее на коленках, когда меня бросил Эрик Каффман в четвертом классе. И она воспринимала мои переживания всерьез, а не как детские дурачества. Когда мне писали замечания в дневнике, я всегда приносила его бабуле, и она расписывалась за родителей. Она приходила на школьные собрания и говорила маме, что я пример для подражания, хотя сама выслушивала, как меня поймали в женском туалете с сигаретой. И не ругала меня. Даже слегка. Когда я порвала дорожную юбку от «D&G», подаренную родителями на день рождения, она успокоила меня, и мы пошли искать такую же. Она потратила целое состояние, чтобы меня не ругали. Хоть это и был подарок, но всыпали бы мне по первое число. Но этого не произошло благодаря любимой бабушке... У меня есть близкая подруга, друзья, Эйси. Но после ее смерти во мне копятся вещи, о которых я никому не могу рассказать. И это потихоньку душит меня.

Это не ее дом, а самая обыкновенная съемная квартира, где живем я и Эйс. Но эта пустота настигла меня и здесь. Она преследует меня по пятам, но я не могу показать слабинку. Что из детства мне дали родители – так это бессмысленную выдержку. Держаться, как бы плохо ни было. Но иногда хочется просто побыть маленькой девочкой, которая заплачет, а ее будет кто-то утешать.

Эйс уселся на диван, чтобы полистать ленту мессенджера, а я решила, что мне нужно отвлечься. Приготовлю на ужин курочку в панировке и греческий салат. Немного вредного, немного полезного – и вроде как выходим в ноль. Я достала овощи, сыр и маслины. Разложила их на столе и начала подготавливать курочку.

– Крошка, ты как? – в дверном проеме на кухню, упершись в косяк, стоял Эйс.

– В порядке. Как же еще. – с ноткой недовольства проговорила я.

– Не хочешь поговорить?

– Я готовлю курочку, может, в другой раз?

– Крошка, ну ты ведь обижаешься на меня, это видно.

– Ни на кого я не обижаюсь, – в моем голосе звучало то же недовольство.

Я выдвинула верхнюю полку слева от раковины и достала кухонный молоток. Накрыв курицу пищевой пленкой, я начала отбивать. Удары приходились сильнее, чем нужно, но сейчас это единственный способ выплеснуть эмоции.

– Мне тоже все это не нравится, но разве у нас был выбор? – он словно оправдывался.

Выбор.

Я начала бить сильнее.

– В словах Тони есть смысл...

Я теряла часть сказанного. В голову врезались отдельные слова.

Смысл.

Столовые приборы в корзинке на столе затряслись.

– Знаю, что ты переживаешь за Отиса. И за Матье, наверное, тоже. Мне жаль, что так вышло.

Жаль.

Курица начинает превращаться в фарш.

– Еще и смерть Эллен...

Я сжала молоток с такой силой, что ногти впились мне в ладонь. Ударов больше не было. Это уже не спасет.

– Что ты, блять, хочешь от меня услышать?! – я резко развернулась и яростно посмотрела ему прямо в глаза.

Моя рука все еще сжимала молоток, на рукоятке которого появились красные следы. Я почувствовала, как к глазам подступают слезы.

– Не надо ру...

– Ты серьезно?! – перебила я. – Тебя это сейчас заботит, что твоя Крошка матом ругается?!

Он опустил взгляд мне на грудь. Вряд ли он думает о моих сиськах, скорее ищет выход из конфликта, которые так не любит.

Ему повезло, что я не цепляюсь за слова, из которых другая девушка раздула бы слона, и он потом бегал бы за ней с цветами и умолял о прощении. Но сейчас не тот момент. И мне не нужно прощение. Мне нужно лишь искреннее понимание.

– Извини, я... я просто не знаю, что мне сказать.

– Пять минут назад ты говорил не замолкая.

– А что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Что тебе не все равно! – я уже не могла говорить обычным тоном. – Заляжем на дно... О Господи! И ты сразу прислушался к Тони! У одного Миккеля хватило яиц хоть что-нибудь сказать?

– При чем тут вообще Микк?

– А то, что иногда он один из всей нашей компании по-настоящему меня понимает.

– Ты знаешь, через что он прошел? Он с грузом пережитого дерьма поймет кого угодно!

– Эйс тоже начал говорить громче. – И не надо акцентировать внимание на том, что сказал он и что сказал я!

– Верно, ты ведь ничего не сказал, – это я произнесла чуть ли не про себя.

– Чего ты вообще завелась? Ты никогда раньше так не психовала.

Психовала.

Я псих? Очередное слово оглушило меня.

– Видимо, сейчас самое время. Думаю, с ужином ты и сам справишься. – Я подняла руки и прошла мимо него напрямиком в прихожую.

– Ши! Ну куда ты?

– Хочу побыть одна. Можно?

Но в ответ лишь томное молчание. Я скинула с себя домашнюю футболку, надела блузку, переделалась в джинсы и вышла в прихожую, где стоял Эйс, виновато опершись на стену. Я накинула пальто и вырвалась наружу, как из сильно разогретой сауны.

И что теперь? Уже темнело, я не знала куда иду, но шла быстро, убегая из дома. От Эйса и от себя тоже.

Идти к родителям? Черта с два. Оставлю это как вариант, если захочу еще сорваться – они такое точно оценят.

Прохладный ветер задувал прямо в лицо, размазывая слезы по щекам. Я вытерла их рукой, но из глаз тут же потекли новые. Когда так долго держишь все в себе... интересно, успокоиться тяжелее?

Он был прав, я психанула, но еще не понимаю – жалею об этом или нет. Сейчас хотелось пустить все на самотек. Не правда! Не все. Необходимость помочь Отису все еще обуревает меня. Но что я могу... одна...

Я шла так быстро и так глубоко в своей голове, что не заметила, куда привели меня ноги. Одиноким двухэтажный дом у дороги. Пошарив по карманам куртки, пальцы нащупали ключи. Поблагодарила себя же за то, что сообразила надеть ключ от квартиры бабушки на общую связку.

В квартире никого не было, но меня посетило странное чувство присутствия кого-то еще. Не то, когда за тобой кто-то следит. Скорее, когда кто-то приглядывает. Она умерла, но все еще здесь.

На стеллаже в гостиной было пусто (спасибо Тони), но я представляла, что мы ничего не убрали. Вот на полке красуется свеча в виде оголенного женского тела. Здоровый канделябр – шесть свечей окружают одну. Бабушка рассказывала, что он несет в себе что-то божественное. Бог сотворил все за семь дней (на каждый день по свечке). Мне кажется, было бы здорово, если мастера при изготовлении таких канделябров тоже уделяли на каждую стойку по одному дню.

Зачем я забрала часть вещей домой? Сейчас чувствую себя дурой из-за этого. В нашей квартире эти предметы потеряли свои души. Благо что-то мы решили оставить... Какие-то книги, старая масляная лампа, швейный станок красуется в углу рабочего стола. Сервант из красного дерева, в котором хранится антикварная посуда прошлого века. Мне бросились в глаза серебряные рюмки для яиц. Про себя я даже хихикнула. Забавно, что их три, ведь бабушка жила одна. Хотя, они все равно служили ей больше украшением для полки.

Мне захотелось вновь перебрать записи бабули, но я оставила их дома... Поэтому разобрала несколько книжек и просто листала их, вбирая в себя весь затхлый аромат постаревшей бумаги.

О! «Алиса в Стране чудес»! Я обожала читать ее вместе с бабушкой. Можно сказать, эта книга и научила меня читать. Когда бабуля дремала, мне хотелось продолжить путешествие по этой чудесной стране, и я стала просить ее учить меня. Первая книга, которую я прочла самостоятельно. Сколько же у меня времени ушло тогда... недели две? Или три? Не удивлюсь, если целый месяц. Приятно снова держать ее в руках. Ну-ка, Бабуль, сколько лет уже прошло? Думаю, настал момент, когда я буду читать для тебя.

На первой же странице была надпись: «чаепитие в 18:00». Я сразу узнала неровный почерк бабули. Но для чего она это написала? Машинально посмотрела на время в телефоне – 17:42. Ну что ж, мне отправиться в гости к Мартовскому Зайцу? На кухне вроде все разобрали, но думаю, бабушка не будет против, если я возьму чайник из сервиза. Пошарив по полкам на кухне, нашла-таки упаковку с английским «Эрл Грей». Не удивлена, что мама не стала разбирать бакалею.

Через десять минут я уже заварила чашку крепкого черного и вернулась к книге. Спустя несколько страниц раздался звон. «Дверь?» – показалось мне, но тут же я поняла, что это настенные часы высотой полметра. Их тоже не стал никто забирать, но, скорее всего, мама решит их продать.

Длинный медный стержень качался из стороны в сторону в небольшом доме из дуба. Я залипла на стрелки, как вдруг мое внимание приковало маленькое окошко в верхней части, прямо под крышей. Там вроде ничего не было, но когда часы пробили шесть раз, оно вроде как сдвинулось наружу. Я взяла табурет и поставила напротив часов. Без него мне туда не дотянуться. Вскочив, выступавшую деревяшку ногтями, я открыла отсек, в котором лежала скомканная бумажка. Как только я ее достала, минутная стрелка сдвинулась на одно деление, и окошко захлопнулось, словно там ничего и не было.

Я с трудом разобрала текст, написанный в торопях:

«Лисенок, ты нашла мое послание. Это значит, что теперь все в твоих руках. Прости, что не объяснила тебе раньше, но и сейчас на это нет времени. Меня нашли, и что будет дальше – мне неизвестно.»

*Горячо люблю тебя, и ты это знаешь, мой маленький Лисенок.
Сияние придет тебе на помощь в борьбе с тьмой. Лишь капля крови и вера в то, что ты это можешь.*

P.S. Взгляни на Мартина, он даст тебе ответы.»

На глазах непроизвольно выступили слезы, когда она обратилась ко мне «Лисенок». Это была забава, которую придумала бабушка. Я так не любила свое имя – Алисия. В детстве меня дразнили и называли – «Лисися». Родители говорили не обращать внимания, что я должна гордиться своим именем, ведь так звали маму моего отца. Но бабуля сказала, что раз мне не нравится это имя, тогда она будет называть меня Лисенком. Маленьким, рыжим лисенком. Чуть позже я стала представляться незнакомым людям Алишей. А после и друзья стали меня так называть.

Записка вызвала бурю эмоций. Смятение и тревога пульсировали в висках. За бабушкой кто-то следил? Она что-то хотела мне сказать, но не смогла. А эта записка – все, что у меня есть.

«Сияние» – это так знакомо... Будто мы когда-то говорили с ней об этом.

Взгляни на Мартина...

Почему все крутится в голове, и я не могу уловить образ.

Что же все это значит.

Далекое клецанье напомнило мне видеозапись Матъе. По коже прошлись мурашки, и я стала пристально смотреть на входную дверь.

Тишина.

Легкий ужас охватил меня, но также и сомнения. Может, мне показалось? Воображение часто играет с нами злую шутку.

Я старалась ровно дышать и не накручивать себя. Подкравшись на цыпочках к входной двери, аккуратно приоткрыла дверной глазок и заглянула в подъезд. Тусклый свет лампы растекался по площадке, но там никого не было. В это мгновение я услышала, как тяжелые удары сердца потихоньку затихают.

На всякий случай выключу свет.

Я уселась на диван подальше от окон, но чтобы прихожая оставалась в поле зрения.

Мои мысли вновь вернулись к размышлению о последнем сообщении бабушки.

Мне нужно взглянуть на Мартина... может, это какой-то ее друг, который знает, что с ней произошло? Не помню, чтобы она упоминала его. Вряд ли она стала бы оставлять такое хрупкое послание. О чем же здесь речь.

Так... Я нашла первую запись в нашей первой книге. Хм... Возможно ли, что это послание ведет к следующей? Мы много книг читали с ней в детстве. Что же там было... «Темные начала»? Нет. «Гробницы Атуана»? Но там был Гед, не помню никаких Мартинов. Черт! Почему так сложно вспомнить.

Позабыв о настороженности, я включила фонарик на телефоне, подошла к стопке книг и начала просматривать одну за другой.

Нет...

Не то...

И это...

Не то...

Тоже не... Стоп!

«Хроники Рэдволла»? Большой цикл книг о приключениях мыша Матиаса. Имя похоже, но вряд ли бабушка ошиблась. Она много читала и, на удивление, ничего не забывала.

Распахнув первую часть, я быстро пролистала всю книгу. В глаза бросились картинки, которые частенько встречались в подобных рассказах.

Мартин, Мартин, Мартин.

Кто же ты такой.

Я медленно перелистывала страницы, концентрируясь на картинках. Может, они мне что-то скажут. В записке сказано, что я должна посмотреть на Мартина Воителя.

Что? Там не так написано. Мартин Воитель! Да, это же герой аббатства Рэдволл! Дурная голова, наконец-то вспомнила!

Радость растеклась теплым трепетом по телу. Она все еще со мной и общается таким образом...

Я активно перебирала страницы, пока не добралась до картинке гобелена с Мартином Воителем. Этот лист был из другого материала, более плотного.

Мышь стоял в профиль в рыцарских доспехах. Я помню, что каждый фрагмент, включая оружие, были спрятаны в разных местах, и Матиас их искал, чтобы победить крыса Кроули. Что же здесь скрывается?

Я поднесла фонарик почти вплотную, и на блике обратила внимание на то, что гобелен словно приклеен. Ноготь – мой верный помощник на этот вечер. Я скovyрнула у основания гобелена, и бумага поддалась. Аккуратно, словно пленку от нового телефона, я отклеила гобелен, за которым мелким шрифтом было следующее послание:

«Земля и море»

Эмм... И все? Что мне должно это сказать?

За дверью затрещало, будто по подъезду скребут крабы своими клешнями.

Я обернулась. Теперь мне точно это не кажется. Я с трудом сглотнула. Дыхание участилось, а глаза были прикованы к входной двери, совершенно не моргая. Что-то скребет по ту сторону двери. Будто кто-то медленно водит чем-то острым по дереву. Неужели сюда пытаются войти? «Мама?» – меня посетила мысль и тут же испарилась. Она бы просто открыла дверь ключом.

Тяжелые шаги обрушились на ступеньки, медленно отдаляясь. Я чувствовала, как с каждым шорохом мое сердце бьется в такт.

Мои руки крепко вцепились в историю мышонка, прижимая ее к груди, словно щит. Ноги дрожали, казалось, вот-вот не выдержат, и я упаду.

Шаги все еще не стихли. Словно кто-то ходит туда-сюда, царапая когтями стены.

До меня донесся странный запах тины.

Я с трудом сделала шаг, но чувствовала, что мои ноги связали каторжные кандалы весом в двадцать килограмм. Маленькими шажками я приближалась к входной двери. Еле дыша, я пыталась скрыть свое присутствие, опасаясь, что тяжелое дыхание меня выдаст.

Как только мои пальцы отодвинули шторку – шаги по ту сторону двери стихли. Заглянув в глазок, сердце на мгновение сжалось. Кромешная тьма.

Там кто-то есть...

И он ждет меня...

Что же мне делать? Это одинокий дом у дороги! Я так же медленно подошла к окну и аккуратно выглянула из-за шторы. На улице темно, вдали горят фонари, а мимо иногда проносятся машины. От кого мне ждать помощь?! Смогу ли я спрыгнуть из окна? Высота не очень большая, но мои ноги совсем оцепенели...

Скр... – ледящий душу скрежет. Звук напоминал скрип ножа по тарелке.

Он знает, что я здесь. Или они. Кто бы там ни был.

Что же бабушка такое скрывала, что за ней охотились и пришли сюда?

Треск за дверью стал более угрожающим.

Думай, Ши, думай! Что делать?! Если я позвоню Эйсу, он не успеет прийти! Полиция! Черт, почему я сразу не подумала об этом! Дурная голова! Если я сообщу о том, что кто-то ломится, – они придут минут через пять, если повезет!

Фонарик продолжал светить, пока я набирала телефон. Мне в голову закралась мысль. Если кто-то следил за мной, то он мог увидеть свет от фонаря через окно. Не о том думаешь, Ши! Я и так включала в комнате свет. Черт! Давай же, соберись!

Пошли гудки. Отлично!

Пи-и-ип

Пи-и-ип

Пи-и-ип

В течение тридцати секунд ничего. Да что за херня творится!

Раздался острый пронзительный лязг – злое истязание двери заполняет каждый уголок в комнате.

Мне стало тяжело дышать, кончики пальцев леденели от ужаса.

Я достала записку бабушки из кармана. В дрожащих руках я перечитала ее. Бабушка, верни мне самообладание и помоги. Прошу тебя, мне так страшно...

Мои мысли шептали: «Маленький Лисенок». На мгновение я увидела улыбку бабули. Такую теплую и светлую...

Светлую...

Дверная ручка затряслась. Демонический коготь срывал замок. Она вот-вот откроется.

Но я не одна. Рядом со мной моя мама. Моя настоящая мама, моя лучшая подруга. Та, что воспитала меня сильной и стойкой, а не мои родители!

И та, кто наполнила мою жизнь светом, – рассекающим любую тьму!

Раздался звонкий треск отколовшегося металла. Дверь открылась.

Я бросила телефон на диван и собрала всю свою волю в одно уверенное движение.

Мои зубы прокусили тонкий участок кожи между большим и указательным пальцами. Яркий металлический привкус осел на языке. Я направила окровавленную руку в сторону незваного гостя, скрывающегося в тени дверного прохода.

Щелканье клешней, пропитанное злобой и жадой крови, продолжало барабанить. Тьма в гостиной отличалась на полтона, но этого было достаточно, чтобы я смогла увидеть нечто длинное, плывущее ко мне, извиваясь в воздухе.

Голос бабушки в голове подсказывал мне и я закричала что было сил.

– СИЯНИЕ!

Из моей руки вырвался необъятный поток света, разгоняя даже самые стойкие тени. Я не видела ничего, кроме ослепительного солнца, что исходило из меня.

Раздался острый визг, доисторический, как из фильмов про динозавров. Словно птеродактиль молил меня остановиться, но моя рука не дрогнула. Пока не раздались глухие удары об обувной комод, входную дверь и наконец, крушение чего-то тяжелого на лестничной площадке.

И свет погас, а вместе с ним и мое сознание.

15

Миккель

15:50 – тот же день...

Вот наша команда и разошлась во мнении. Происходят странные вещи – Матье пропал, Отиса похитили, на меня напали, – а мы раскололись на «каждый сам за себя». Это так тупо. Мы могли бы продолжить искать. Просто быть осторожнее и не попадаться на глаза полиции...

Меня не оставляет чувство, что я обманываю сам себя. Надо быть искренним, хотя бы с собой. Сердце не екает от мысли о том, в какую беду попали журналист со своим оператором. Я просто хочу сделать что-то значимое и, наверное, это просто помогает мне отвлечься.

Мы не раз говорили с Синой о том, что мне стоит найти себя, принять себя, стать самодостаточным. Но по факту без пьянок и тусовок с друзьями от меня мало что остается. Будто я пустой. Я хочу написать книгу, но ничего не знаю, ничего не видел. Можно все выдумать, но тогда это будет поверхность лужи, за которой нет никакой глубины.

Может, поэтому я лезу на рожон? Мне так необходимо попасть в какую-то историю, чтобы просто жить?

Порой думаю, что зря ушел с прошлой работы. Сидел бы дальше за токарным станком. Работа неплохая. Мелкие детали меня увлекают, а на производстве по изготовлению пирсинга – они очень маленькие. Эйс бы непременно сострил на тему крошечного члена.

Я блуждал по парку. От него до полиции метров пятьдесят, а если идти по ним в южную сторону, не сворачивая, то буду дома. Но мои ноги совсем не хотят туда идти. Небольшая квартирка с говеными условиями для жизни, от которой меня тошнило. Сестра предлагала купить мне хорошую квартиру в многоквартирном доме, где все чистенько, хороший ремонт, детская площадка во дворе. Я отказался, потому что это не то, что повлияет на меня. И не то, на что стоит тратить деньги, даже если у нее их в достатке.

Я свернул в аллею, украшенную лиственной аркой ниспадающих ветвей деревьев. Земля усыпана разноцветным ковром из листьев дуба, клена, осины и совсем редкими семилистниками каштана. Люди все еще собирают горсть осени в руки и делают фотки, подбрасывая листья вверх. А кто-то записывает сторис, как прыгает в лиственные горки, которые рано утром сгребал дворник.

Я расстроен из-за произошедшего, но сейчас мне захотелось улыбнуться. Это успокоительное, от которого не тошнит.

Я дошел до холмика, где стоял памятник величавого лося – неофициальный символ нашего города. Ему уже почти сто лет, но люди изо дня в день трут его копыта и гениталии, думая, что это принесет им денег. Черная, почти как смоль, фигура, устрашающая своими ветвистыми рогами, но глаз притягивают лишь блестящие бронзовые яйца размером с кулак.

Я примостился на скамейку возле библиотеки Алвара Аалто. Одно из немногих зданий в городе, которое отреставрировали на полученную сумму, а не на то, что осталось после дележки.

Я носил с собой портфель, обычно просто из-за удобства. Мне говорили, что это показывает мою незрелость. Но что-то никто не жаловался, когда я жарким летом угощал их водой, а первыми грязными днями весны подгонял им салфетки, чтобы они могли почистить обувь. У

меня всегда с собой был небольшой запас аптечки. И перед походом в полицию я машинально положил туда книгу.

Теплое чувство уюта согревало меня в этот прохладный день.

«Сказания Земноморья» приковали все мое внимание, и, погружаясь в мрачные тернии загадочности мира, мои пальцы ощутили нечто странное. Я вложил закладку между страниц и накрыл их обложкой. Она выглядела толще любой другой в толстом переплете раза в два. Не скажу, что я прям много читаю, но немало, и такое встречаю впервые. Слегка сжав обложку между пальцев, на ней образовались маленькие вмятины. Выглядело, может, странно, но я постучал по ней, и раздавшийся звон был глуховатым. Брови нахмурились, а глаза растерянно осматривали небольшую лодку с красным парусом, помещенную в круглую рамку, на фоне зеленого символа. Я провел по нему пальцами, нежно скользя сверху вниз, а после вновь открыл книгу, где переплет склеен с бумагой. Могу поклясться, что мои пальцы ощутили еле заметный шорох внутри. Я повторил движение несколько раз быстрее, но на этот раз ничего. Поэтому я поднял книгу и затряс ее возле уха. Там явно что-то колотилось о стенки. Но туда не добраться, не повредив книгу, которая к тому же не моя.

– Миккель? – слева от меня вместе с ветром проскользнул голос, до боли знакомый, от чего я на мгновение оцепенел, но в следующий миг медленно повернулся.

– Мия?

– Молодец! В самую точку! – она усмехнулась, дружелюбно ткнув в меня пальцем. – Шла мимо и гляжу: паренек отмахивается книгой от призрачных пчел. А это ты – и теперь я ни капли не удивлена. – Ее губы широко растянулись в довольной улыбке.

– А я удивлен, что ты все еще помнишь о моей фобии. – Я улыбнулся в ответ.

– Рада тебя видеть.

Она стояла напротив меня в белой блузке и сером пальто, из-под которого выглядывали брюки-клевш, которые она обожала еще со времен школы. Тонкий бежевый шарф, не толще носового платка, окутывал ее шею, а на него спадали длинные прямые волосы, окрашенные цветом дуба, что несли в себе отзвук осеннего леса, переливаясь медной кровинкой на угасающем солнце. Тонкие, слегка розоватые губы украшала родинка. Похожая была и у глаз – туманно-стальных в тени и болотно-мшистых на свету.

– И я рад. – Мои мысли поглотила буря, а на слух я лишь моросил.

– У тебя все в порядке? – она слегка насторожилась, не прекращая улыбаться.

– Да... – я убрал книгу в сторону. – Все хорошо. Просто привлекал к себе внимание.

– Вот оно как. Мое? Или выцеливал симпатичную белочку?

– Белочку, само собой. Видел в передаче о животных, что у них это что-то вроде зова плоти.

– Знаешь, прошла минута, а мне кажется, что ты все тот же Микк, с которым я дружила в школе.

– Зачем меняться, когда ты такой классный.

– Ха-ха, – она не сдержалась. – Прости, смех не выдал насмешки?

– Нет-нет, не выдал. А вот слова выдали, так что ты проиграла.

Мы засмеялись теплым чувством ностальгии. Она присела на скамейку, заранее проведя по ней рукой и оглядев ладонь.

– Уверена, ты не против, что я помешаю твоим брачным танцам с белками.

– Я-то нет, но потом на всякий случай смотри по сторонам, а то еще приревнуют.

– Буду наготове. – Ее улыбка гипнотизировала меня, от чего самому хотелось улыбаться.

– Рассказывай. Как у тебя дела? Чем занимаешься? Еще дружишь с тем придурком? Если да, то забудь про придурка. Хотя нет. Вспомнила, как он мне юбку задрал в начальных классах – возвращаем придурка.

– Да, Эйси еще часть моей жизни. Худшая ее часть. – Мы посмеялись. – Дела... – В голове мелькнули события последних дней. – Дела в порядке, все хорошо.

– У тебя явно все плохо, если ты говоришь «хорошо». Ты же никогда не использовал это слово.

– И это помнишь?

– Да у меня вообще память хорошая.

– Ну да. Занимаюсь чем? Ну, сложно сказать. Не так давно уволился, сейчас на распутье.

– А подробнее?

– Мм... в общем... я книгу пишу. Уволился, чтобы уделить этому больше времени. Пока накопления позволяют на этом сконцентрироваться.

«Ага. Накопления моей сестры, которая периодически скидывает мне денег», – подумал я.

– Я помню, с каким энтузиазмом ты писал свободные сочинения в школе. – Она вдруг рассмеялась. – А еще помню лицо училки, как ее... Антония?

Я кивнул, хотя сам уже не помнил, как ее звали.

– Когда она читала твои сочинения, у нее депрессия с каждой строчкой сочилась из пор.

– Хах. Да, она даже говорила со мной на эту тему. Мол, мне надо научиться ценить жизнь.

Пф.

– И вправду, кому это надо? – на этот раз мелькнул сарказм. – Ну и о чем твоя книга?

На мгновение я задумался – стоит ли об этом говорить? Но Мия вызвала у меня странное чувство доверия, что именно ей я могу рассказать. Ведь даже не все близкие друзья знают мои мысли по поводу романа.

– Это история одного мальчика, который сталкивается с жестокой несправедливостью мира, и ему приходится взрослеть. А каждое испытание, которое встает у него на пути, – это сражение с монстрами, которые создает его сознание. А он, вроде как, герой своей истории.

– Звучит интересно. Я бы такое почитала. Чем-то напоминает «Бесконечную историю».

– Она частично вдохновила меня. Ну и что-то из своего прошлого.

– Наверное, тяжело писать о собственных тяжелых воспоминаниях...

– Я плохо помню детство. У меня диссоциативная амнезия.

– Оу... Это из-за... – она хотела что-то сказать, но резко замолчала. Я ожидающе посмотрел на нее, и она продолжила. – ...припоминаю, да. Вроде из-за травмы головы? – Ее тон резко стал каким-то неуверенным.

– Ох. Помнил бы я... Но вроде да, по крайней мере мне так сказала Сина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.